популярная демография

РОЖДАЕМОСТЬ: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

СЕРИЯ
популярная
демография

ВЫПУСК 9

РОЖДАЕМОСТЬ: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

МОСКВА
«ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА»
1983

ББК 60.7
Р62

Редактор-составитель *П. П. Звидриньш*

Р $\frac{0703000000-084}{010(01)-83}$ 50—83

А. Г. ВОЛКОВ

РОЖДАЕМОСТЬ И «ДЕФИЦИТ ЖЕНИХОВ»

Как в нашей стране, так и в большинстве других стран мира дети рождаются в основном в браке. Правда, супружеские союзы не всегда оформляются юридически, и поэтому в последние годы в некоторых странах (например, в Скандинавских) от четверти до трети всех родившихся числятся внебрачными детьми. К тому же и семьи ведут себя по-разному: одни супруги обзаводятся ребенком сразу же после вступления в брак, другие откладывают рождение первенца, одни ограничиваются двумя-тремя детьми, другие имеют детей «сколько получится». Так или иначе, но сколько родится детей — зависит, при прочих равных условиях, от того, сколько людей вступает в брак.

Поэтому изменения в рождаемости, оживленно обсуждающиеся сейчас в нашей литературе, вполне естественно связываются с изменением брачности. Даются многочисленные рецепты того, как, воздействуя на брачность, повлиять тем самым и на рождаемость. Предложения высказываются самые разные. Например, В. И. Переведенцев полагает, что виной низкой рождаемости — поздние браки. Если молодые люди стали бы раньше вступать в брак, у них оставалось бы больше времени на обзаведение потомством, а потому и само потомство было бы более многочисленным. Другие полагают, что разводы вредны в демографическом плане потому, что сокращают время совместной жизни супругов, а следовательно, и время на рождение и воспитание детей; если уменьшится число разводов, то увеличится время совместной жизни супругов и возрастет число рождений.

Однако, пожалуй, наибольшее внимание привлекает в литературе последних лет проблема так называемого «дефицита женихов» или «дефицита невест», т. е. проблема неравенства в соотношении численностей полов.

Именно неравным соотношением численностей мужчин и женщин объясняют иногда трудности с вступлением в брак, непрочность многих семей и недостаточно высокую рождаемость. Отсюда и советы, как исправить положение — от запрета разводов до призывов выходить замуж только за ровесников.

Вот один из недавних примеров. На статью «Брак по объявлению» в «Комсомольской правде» откликнулись преимущественно женщины, испытывающие трудности в выборе спутника жизни. Причина изобилия невест и дефицита женихов, по мнению Е. Лосото[1], в том, что юноши женятся на тех, кто моложе их, и оставляют незамужними своих ровесниц. В последние годы мы, дескать, приучили молодых людей брать в жены моложе себя, и общество теперь за это расплачивается большим числом незамужних, разводами и увеличением числа одиноких матерей. Свахи (ни электронные, ни живые) решению проблемы не помогут. Единственный выход — жениться или выходить замуж только за ровесников[2].

Итак, прежде всего, откуда берется неравенство в соотношении численностей полов, если «природа позаботилась о паре для каждого»? Каково нормальное соотношение численностей полов? Существует ли на самом деле изобилие невест и дефицит женихов?

Обычно под нормальным соотношением численностей полов понимается их равенство: иными словами, считается, что диспропорции полов нет, если в каждом возрасте (обычно речь идет о взрослых) на тысячу мужчин приходится ровно тысяча женщин того же возраста. Однако в демографии понимание этого соотношения несколько расходится с обыденным.

Начнем с того широко известного феномена, что мальчиков рождается несколько больше: на каждые 100 девочек приходится 105—106 мальчиков, причем соотношение это мало меняется и во времени и по странам. О причинах этого явления, замеченного еще в XVII в., написаны сотни статей и книг, но споры не утихают до сих пор. Согласно одной из наиболее обоснованных точек зрения по некоторым, еще не вполне выясненным при-

---

[1] См.: *Лосото Е.* Возраст невесты или почему на нашу публикацию откликнулись одни женщины. — Комсомольская правда, 1981, 7 июня

[2] *Ровесники* — люди, родившиеся в одно время, обычно в одном и том же году, *сверстники* — люди одинакового возраста. При измерении возраста в целых годах, как принято в демографии, эти две категории не совпадают.

чинам среди зачатий существенно преобладают зародыши мужского пола: в момент оплодотворения яйцеклетки соотношение мужских и женских зародышей составляет примерно 135 к 100. Впоследствии на всех стадиях внутриутробного развития смертность мужских плодов превышает смертность женских, и ко времени окончания беременности число мальчиков хотя и превышает еще число девочек, но уже не намного. Некоторые генетики, напротив, считают, что соотношение численностей мужских и женских зародышей на всем протяжении беременности примерно одинаково и такое же, как и при рождении.

Однако в отличие от первой точки зрения это мнение не подтверждено на достаточно большом фактическом материале.

Что же касается более высокой смертности мужских плодов, то она объясняется, с одной стороны, биологически заданной более высокой жизнеспособностью женского организма, с другой — условиями вынашивания. Мужской пол преобладает среди выкидышей, больше мальчиков и среди мертворожденных. Несмотря на большой «отсев» мужских плодов, все же к моменту рождения мальчиков остается больше, чем девочек. Насколько больше — зависит от условий вынашивания. Когда они лучше — доля мальчиков при рождении больше, так как снижается внутриутробная смертность, когда хуже — эта доля снижается. Кроме того, известно, что чаще бывают мальчиками первенцы и вторые дети, родившиеся в браке (по сравнению с внебрачными детьми), а также у молодых матерей и отцов. Именно этим объясняется известный и статистически подтвержденный факт, что во время длительных войн и сразу после них доля мальчиков среди родившихся обычно выше. В это время изменяется структура рождений: сокращается доля внебрачных рождений, растет доля первенцев и родившихся у молодых матерей, изменяются и условия вынашивания — усиливается бережное отношение к материнству[1].

Итак, мальчиков рождается больше, однако смертность их выше, особенно на первом году жизни. В силу ряда причин смертность мальчиков остается выше и в последующие годы жизни, так же как и смертность подростков, и взрослых мужчин. Здесь, однако, более силь-

[1] См.: *Кувшинова Л. П.* Из истории исследования вторичного соотношения полов. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с. 171—184.

ное дифференцирующее влияние оказывают социальные факторы.

Таким образом, если подсчитать, сколько женщин приходится на 1000 мужчин в каком-либо возрасте, то это соотношение будет зависеть, во-первых, от доли мальчиков среди родившихся в данном поколении (т. е. родившихся столько-то лет назад), во-вторых, от соотношения смертности мужчин и женщин в данном возрасте и, в-третьих, от изменений в уровне их смертности на протяжении всей жизни поколения. Соответственно в демографии различают три разных соотношения численностей полов: *вторичное* — соотношение численностей полов при рождении, о котором уже упоминалось, *стационарное* — соотношение численностей полов, зависящее от того, сколько мужчин и женщин доживает до данного возраста, и так называемое *нормальное,* определяемое как тем, так и другим.

Поскольку все рождения мальчиков и девочек, а также пол и возраст всех умерших регистрируются, эти величины могут быть вычислены для каждого календарного года. Они вычисляются либо как число мужчин на 1000 женщин, либо как число женщин на 1000 мужчин. Воспользуемся вторым показателем. Например, в 1970 г. в СССР родилось 2 162 828 мальчиков и 2 062 821 девочка[1]. Значит, вторичное соотношение численностей полов в этом году было:

$$\frac{2\,062\,821}{2\,162\,828} \times 1\,000 = 954 \text{ (или 954 женщины на 1 000 мужчин).}$$

Стационарное соотношение численностей полов получают, рассчитывая так называемые таблицы смертности, показывающие порядок вымирания некоторого условного поколения, как бы проживающего жизнь в условиях данного года и имеющего в каждом возрасте такой уровень смертности, как в этом году. С приемами расчета таких таблиц можно ознакомиться по книге А. М. Меркова «Демографическая статистика» (М., 1965). Численность условного поколения обычно принимается равной 100 000 мужчин и 100 000 женщин, а числа доживающих до каждого возраста указываются относительно этого круглого числа мужчин и женщин и потому их легко сравнивать.

Согласно таблицам смертности населения СССР 1968—1971 гг. из такого условного поколения в возрасте

---

[1] См.: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975, с. 99.

от 20 до 25 лет насчитывалось 94 350 живущих мужчин и 96 070 женщин. Поэтому стационарное соотношение численностей полов для этой возрастной группы было:

$$\frac{96\,070}{94\,350} \times 1\,000 = 1\,018 \text{ (или 1 018 женщин на 1 000 мужчин).}$$

Тогда нормальное соотношение численностей полов для возраста от 20 до 25 лет составит:

$$954 \times 1\,018 \times \frac{1}{1\,000} = 971,$$

т. е. «нормальным» при данном соотношении полов среди родившихся и данном уровне смертности во всех возрастах от 0 до 25 лет было соотношение: 971 женщина на 1000 мужчин. Таким оно было бы для этой возрастной группы, если бы ни первичное, ни вторичное соотношения численностей полов не менялись со временем. Ну а каково фактическое соотношение? В действительности по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. на 1000 мужчин в этом возрасте приходилось 983 женщины. Это фактическое соотношение сложилось под влиянием вторичного соотношения численностей полов 20—25 лет назад, т. е. во второй половине 40-х годов, и изменений смертности за прошедшие с тех пор годы (миграцией мы пренебрегаем).

Таким образом, фактическое соотношение численностей полов может сильно отличаться как от нормального, так и от стационарного (заметьте, что ни одна из приведенных пропорций не равна 1000). Особенно сильно зависит оно от истории данного населения. В частности, существенное влияние на него оказывают войны, приводящие к гибели мужчин в зрелых возрастах.

На рис. 1 изображены три пропорции полов для нашей страны по данным для 1970 г. — нормальная, стационарная и фактическая. Видно, что фактическое соотношение численностей полов, а именно превышение числа женщин в возрастах старше 45 лет, т. е. в тех поколениях, которые прошли через войну и испытали ее влияние в наибольшей степени, гораздо больше, чем в обычных условиях. Заметно также, что в стационарном населении, т. е. при данном соотношении смертности мужчин и женщин, во всех возрастах наблюдается «избыток» женщин. С учетом же превышения числа мальчиков среди родившихся, напротив, во всех возрастах вплоть до 40 лет наблюдается «избыток» мужчин, впрочем, не очень значительный.

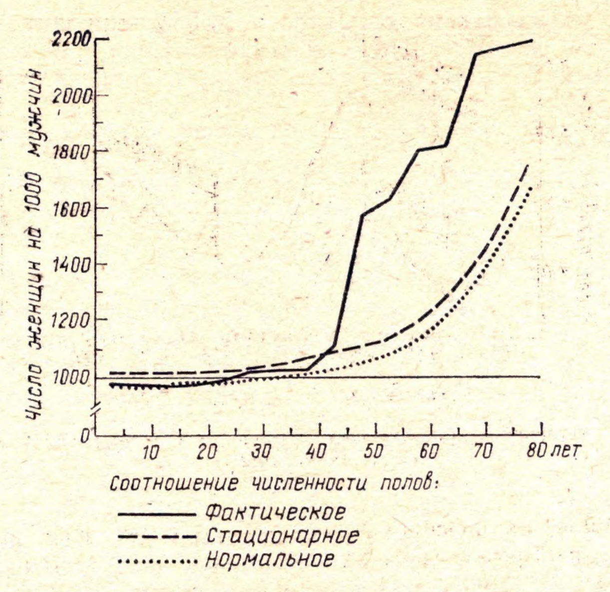

Рис. 1. Фактическое, стационарное и нормальное соотношения численностей полов в СССР в 1970 г.

Обычно примерно к 20—25 годам соотношение числа юношей и девушек в каждом возрасте выравнивается. Откуда же тогда берется дефицит женихов, о котором столько говорят?

Дело в том, что сравнение численностей мужчин и женщин одного и того же возраста не вполне правомерно. Как правило, невесты в среднем на 2—3 года моложе женихов, и сравнивать надо не числа сверстников, а числа мужчин и женщин с разрывом в 2—3 года. Если бы каждый год рождалось одинаковое число детей, то никакого неравенства не возникло бы. Для любого возраста число невест все время примерно соответствовало бы числу женихов. Однако числа рождений от года к году меняются, и равенство в соотношении численностей полов при разнице возрастов может нарушиться. В равномерно растущем населении, например, где каждое следующее поколение больше предыдущего, при прочих равных условиях всегда существовал бы избыток невест.

Но числа рождений изменяются не равномерно, особенно в нашем веке и особенно в нашей стране, пережившей серьезные социальные потрясения, сильно по-

Рис. 2. Изменение годовых чисел родившихся и чисел браков в СССР в 1959—1980 гг.

влиявшие на демографические процессы. Как видно на рис. 2, изображающем динамику годовых чисел рождений, эти числа изменяются волнообразно: за спадом следует подъем. В частности, снижение годовых чисел рождений, начавшееся в 1960 г. и продолжавшееся до 1969 г., после чего они стали медленно расти, объясняется снижением рождаемости в годы войны и соответственно сокращением числа родителей 20 лет спустя.

Обратите внимание на то, что кривая на рис. 2, изображающая годовые числа рождений, в частности за 1950—1959 гг., почти точно повторяет динамику годовых чисел браков (с отставанием примерно в 1 год), а изменение годовых чисел браков 20 лет спустя (в 1970—1979 гг.) почти правильно повторяет изменение годовых чисел рождений в 1950—1959 гг.(Для наглядности шкала браков справа сдвинута вверх, чтобы обе кривые были расположены рядом.) Иными словами, чем больше родилось людей, тем больше через 20 лет будет и родителей, тем больше, при прочих равных условиях, родится через 20 с небольшим лет и детей.

Но всегда ли при этом образуется «дефицит женихов»? Возьмем конкретный, пусть и несколько упрощенный пример. По расчетам известного советского демографа Б. Ц. Урланиса, во время войны годовое число рождений уменьшилось более чем вдвое: если в 1940 г. родилось 6 млн. детей, то в 1943 г. — всего около 3 млн. После войны уровень рождаемости вырос, хотя и не сразу.

Можно допустить, что в 1946 г. родилось не более 4,5 млн. детей[1].

Предположим, что все юноши, достигнув 25 лет, женятся только на девушках ровно на 3 года моложе, а эти девушки выходят замуж только за 25-летних. Тогда в 1965 г. юношам поколения 1940 года рождения (а их было примерно половина этого поколения, т. е. около 3 млн.) невест явно недоставало: в поколении 1943 года рождения женщин было не более 1,5 млн. Напротив, у поколения девушек 1943 года рождения выбор женихов был большой. Однако три года спустя, в 1968 г., положение существенно изменилось: юноши, родившиеся в 1943 г., могли выбирать себе невест в более многочисленном поколении 1946 года рождения, а у девушек, достигших 22 лет, возможности выбора 25-летних женихов резко уменьшились.

В действительности эти соотношения затронули, конечно, не одно, а несколько смежных поколений. Но важно другое: постоянного «изобилия» невест и «дефицита» женихов нет. Они все время как бы чередуются, то в пользу мужчин, то в пользу женщин. Более того, поскольку существуют колебания в ежегодных числах рождений, такие чередования неизбежны. Резкие изменения в постепенном демографическом развитии их только усиливают. При этом чередования «дефицита» и «изобилия» повторяются, хотя и менее отчетливо, спустя 20—25 лет, когда дети этих «неравных» поколений сами становятся родителями. За последние 20 лет годовые числа рождений по стране в целом изменялись волнообразно: с 1960 по 1968 г. они снижались ежегодно на 100—150 тыс., а затем стали медленно расти. Это отчетливо видно на рис. 2. Соответственно оказывались в «изобилии» попеременно то женихи, то невесты.

Влияние этих изменений на число супружеских пар в каждом поколении измерить весьма не просто, и точно сделать это не удается. Изменение демографической ситуации приводит к тому, что в каждом поколении, которого оно коснулось, вступление в брак сдвигается к более старшим возрастам. Так, например, согласно исследованиям И. П. Ильиной в поколениях женщин 1918—1922 гг. рождения (т. е. в поколениях, наиболее затронутых войной; женщины этих поколений прожили годы максимальной брачности во время войны) к 25 годам

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 29—30.

(возрасту, который у этих поколений пришелся на 1943—1947 гг.) в первый брак вступило только 62% женщин, тогда как в предыдущих поколениях к этому возрасту было замужем уже 73%, а в поколениях 1938—1942 гг. рождения — 79% женщин[1]. Медианный возраст вступления в брак (возраст, к которому вступает в брак половина женщин из поколения) у этих и следующих поколений был в среднем на год больше, чем у предыдущих.

Однако это вовсе не значит, что большинство людей в таких поколениях вообще остается вне брака. Согласно тем же исследованиям, даже в наиболее затронутых войной поколениях женщин в СССР 1913—1917 и 1918—1922 гг. (возраст наибольшей частоты браков, как уже упоминалось, эти поколения прожили в военные годы) к возрасту 50 лет женщин, никогда не бывших замужем, оставалось меньше, чем в тех же поколениях в странах, не испытавших пагубного влияния войны. Как скажутся перепады в числах рождений на сегодняшних молодоженах, судить пока нельзя, потому что поколения 60-х годов рождения еще только подошли к порогу брачного возраста.

Можно утверждать, однако, что неравенство полов, хотя и влияет на частоту вступления в брак в течение одного или даже нескольких лет, вряд ли очень существенно меняет общий итог формирования семей во всем населении. (Гораздо большее значение для демографической ситуации имеет абсолютное число рождений, вернее, его изменения, связанные с изменением рождаемости в прошлом.) Но происходит это как раз потому, что в брак вступают не только ровесники и разрыв в возрасте одинаков не у всех супругов.

Как правило, жена моложе мужа. Вопреки распространенному мнению, эта разница лет далеко не случайна. Женщины действительно развиваются несколько раньше мужчин, так что небольшая разница в возрасте (а она *в среднем* редко превышает 2—2,5 года) свидетельствует о примерно одинаковом уровне развития супругов. Нельзя сбрасывать со счетов и разные роли мужчины и женщины в их союзе, и психологический фактор: женщины больше нуждаются в опоре, поддержке, мужчинам более свойственно опекать, защищать свою подругу, заботиться

---

[1] См.: *Ильина И. П.* Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976.

о ней. Эти их потребности и удовлетворяет старшинство мужчины. Таким образом, превышение возраста мужа отражает, по-видимому, не «отдельные и быстропреходящие моменты», как пишет Е. Лосото в упоминавшейся статье, а фундаментальные различия в социальных функциях полов в человеческом обществе.

Это явление не только последних лет. Оно отмечается практически во все времена и у разных народов. В прошлом экономические соображения могли, конечно, диктовать и другие сочетания возрастов, однако в наши дни, когда в большинстве случаев выбор совершается не по воле родителей и не по расчету, естественные, чисто человеческие качества становятся определяющими. Встречаются, разумеется, и значительные расхождения в возрасте супругов, однако такие расхождения чаще не в первых, а в повторных браках, а их существование не меняет общей закономерности. Небольшое превышение возраста мужа — объективная закономерность. Действительно, люди подбирают себе пару, ориентируясь на существующие в обществе правила и нормы, но сами эти нормы устанавливаются помимо нашей воли, под воздействием законов человеческого общежития.

Именно это обстоятельство разрешает, хотя и не полностью, проблему «дефицита» брачных партнеров. Спутника жизни выбирают обычно не в точном возрасте, как в нашем примере, а в определенном диапазоне возрастов. Если почему-либо в этом диапазоне поколению мужчин или женщин недостает партнеров, диапазон поиска расширяется, разрыв в возрастах вступающих в брак меняется. Женихов или соответственно невест, как бы занимают у соседних поколений, те в свою очередь занимают их у следующих поколений, и постепенно положение выравнивается. Но поскольку в каждом поколении не все вступают в брак одновременно — кто-то раньше, кто-то позже, — недостаток женихов или невест усложняет выбор. Браки в поколении начинают заключаться в среднем позже, хотя как мы уже упоминали, люди не остаются вне брака вообще. Другое дело, что не все заключенные браки сохраняются, но это — особая проблема, к которой мы еще вернемся.

Как показывают специальные исследования, действительно, у женщин, раньше вступивших в брак, детей, как правило, в среднем несколько больше, чем у вступивших в брак в более старшем возрасте. Однако это еще не доказывает благотворного воздействия ранних браков на

уровень рождаемости. Не исключено, в частности, хотя пока этому и нет прямых подтверждений, что и более раннее вступление в брак и ориентация на большее число детей в браке вызваны одними и теми же социальными и социокультурными причинами. Для того чтобы однозначно ответить на этот вопрос, необходимы специальные исследования. Зато хорошо известно, что в тех случаях, когда большинство родителей ограничивается малым числом детей, последнее почти не зависит от того, в каком возрасте заключен брак. Тем более что и раннее замужество — не редкость.

Таким образом, в условиях неравенства в соотношении численностей полов целесообразно не только не ограничивать «допустимый» возраст жениха лишь ровесниками (кстати, возможность выбрать себе в супруги ровесника у всех разная), но и, напротив, расширять возможности выбора в других поколениях, ибо только это и может ослабить отрицательное влияние на создание семей «дефицита» другого пола. К счастью, в действительности так и происходит.

К этому, может быть, стоит добавить, что спутника жизни выбирают, вообще говоря, не столько по возрасту, сколько по сходству интересов и стремлений, уровню развития, взаимопониманию. Конечно, при прочих равных условиях, сверстникам легче понять друг друга, найти общее, именно поэтому браки с большой разницей в возрасте супругов относительно редки, кстати, они чаще распадаются. Но тем не менее календарное число исполнившихся лет все же лишь приближенный индикатор более сложных социально-психологических связей, и само по себе еще ни о чем не говорит.

Что же касается демографической ситуации наших дней, то последнее десятилетие характеризуется существенным приростом числа браков. За годы между переписями населения 1970 и 1979 гг., например, число супружеских пар в стране увеличилось на 8,4 млн., что, кстати говоря, отчасти объясняет рост числа разводов за это время. Причем особенно большим был прирост числа молодых браков: за тот же период число состоящих в браке в возрасте до 30 лет увеличилось более чем наполовину. Что же касается соотношения численностей полов, то по данным переписи населения, проведенной в самом начале 1979 г., это соотношение в возрастах до 50 лет в основном выравнялось. Это значит, что в каждом возрасте до этой границы мужчин и женщин примерно поровну.

Как показывают демографические данные, никогда не состоявшие в браке чаще выбирают себе супруга также из числа никогда не состоявших в браке. Если сопоставить численность этих двух категорий брачного состояния, то по данным последней переписи в среднем во всех возрастах после 16 лет на каждые 100 холостых мужчин приходилось 83 никогда не бывших замужем женщин. Причем в молодых поколениях женихов было существенно больше, чем невест. Таким образом, в среднем по всей стране никакого недостатка женихов сейчас нет.

Но отсутствие общего неравенства численностей полов, наверное, слабое утешение для тех, кто не может найти себе невесту или жениха в своем селе, поселке или даже городе. Если общей диспропорции женихов и невест и нет, то, безусловно, существует диспропорция частная, локальная. В отдельных населенных пунктах, особенно в небольших поселках и деревнях, в силу особенностей их экономического развития, соотношение численностей полов подчас оказывается крайне неравномерным. Именно об этой ситуации говорится в рефрене известной песни композитора А. Колкера на слова Кима Рыжова:

«Стоят девчонки,
Стоят в сторонке,
Платочки в руках теребят,
Потому что на десять девчонок
По статистике девять ребят!».

Песня эта, кстати, была написана в 1967 г., когда, как мы уже отмечали, «дефицит женихов» был, и не только локальный. Теперь же нередко, и об этом все чаще приходится читать, существует и обратная ситуация. Только причина этого — не рождаемость и не стремление жениться на тех, кто помоложе. Хорошо бы, конечно, иметь возможность выйти и за ровесника, ну а как быть, если все ровесники уехали в другие города и здесь их просто нет, а те, что остались — уже «заняты»? Теоретически можно поехать за женихом или за невестой «хоть на край света». Мобильность молодежи растет, сняться с места легче. Но куда ехать? Как устроиться на новом месте? Все это — реальные трудности, затрагивающие многих.

Есть у локального несоответствия численностей полов и другая сторона. Ведь для того, чтобы вступить в брак, нужно как минимум познакомиться. Можно жить в городе с идеальным соотношением численностей полов, но

ни с одним ровесником так и не встретиться. Кому-то трудно знакомиться в силу свойств характера. Да и для знакомств таких планета наша еще «мало оборудована». Поэтому так важно облегчить людям возможность встречи, возможность общения в неформальной обстановке, особенно людям не очень молодым, которых не слишком привлекает танцплощадка. Вероятно, нужны и брачные объявления, хотя нам эта форма знакомства еще непривычна и для ее широкого распространения придется преодолеть немало барьеров, главным образом психологических, — как со стороны потенциальных клиентов службы знакомств, так и со стороны тех, от кого зависит ее создание. Что-то может подсказать, видимо, и житейский опыт, хотя бы части тех 62—63 млн. супружеских пар, которые живут сейчас в стране. Они-то обошлись без службы знакомств и без электронной свахи!

Озабоченные тем, как бы всех переженить, мы иногда забываем о том, как развивается семья, как складываются отношения в ней. Как писал К. Симонов, «все романы на свадьбах кончают недаром, потому что не знают, что делать с героем потом». Как ни важно вступить в брак, еще важнее сохранить семью.

До сих пор, говоря о незамужних, мы подразумевали женщин, еще никогда не бывших замужем. Между тем среди всех не состоящих в браке женщин значительную долю составляют разведенные. По данным переписи населения 1979 г., например, среди всех незамужних 25—29 лет более трети, а 30—39 лет — более половины — это женщины, которые состояли в браке, но успели разойтись или развестись.

Ежегодно в стране расторгается не более 1,5—2% существующих браков — сравнительно немного. Однако мужчины после развода создают новую семью сравнительно быстро, женщинам же, особенно с детьми, сделать это во много раз труднее. От года к году в населении число разведенных женщин накапливается. По данным переписи населения 1979 г. на 100 разведенных мужчин всех возрастов старше 16 лет приходилось почти 250 разведенных женщин, причем это несоответствие касается не только старших возрастов, оно значительно и в младших. Процент одиноких матерей сравнительно невелик, но в абсолютном выражении это тоже довольно большая величина. И подлинное «несоответствие» численностей полов кроется именно здесь. Только оно — не причина, а, скорее, следствие.

В последние годы невесты в среднем «помолодели». Женщины, родившиеся в конце 40-х — начале 50-х годов, вступали в брак раньше, чем родившиеся до войны. Если прежде одной из причин более позднего замужества и могла быть нехватка женихов вследствие резких перепадов рождаемости, то теперь этот фактор практически не действует (в масштабе населения страны, конечно). Однако появились новые факторы, влияющие в противоположном направлении. Молодые люди, вступающие в брак, придают меньшее значение экономической самостоятельности. Они часто рассчитывают на помощь родителей, охотно предоставляемую, особенно если женится единственный сын или выходит замуж единственная дочь. Способствует ранним бракам и возросшая мобильность молодежи.

Демографические исследования неопровержимо свидетельствуют, что браки, заключенные в раннем возрасте, менее устойчивы. Например, если судить по поколениям, вступавшим в брак в 1960—1964 гг., то у девушек, вышедших замуж до 20 лет, риск развода в течение первых десяти лет семейной жизни на треть больше, чем у вышедших замуж в 20—24 года. Значительно больше он и у невест старше 30 лет. Французские демографы заметили, что наиболее прочны супружеские союзы, заключенные как раз в тех возрастах, в которых заключается наибольшее число браков. Опыт других стран показывает, что более прочны браки с меньшим разрывом возрастов супругов, причем они прочнее всегда, когда муж ненамного старше жены.

Существенную причину нестабильности брака составляет и овдовение как женщин, так и мужчин. Так что известный лозунг «берегите мужчин!», к сожалению, не потерял еще своей актуальности. Всего же примерно 20% браков распадается в течение первых десяти лет существования семьи, причем 16% — из-за развода, около 4% — из-за смерти одного из супругов.

Одна из причин неустойчивости части молодых браков — «вынужденный» брак, стимулированный добрачным зачатием. Как показывают исследования (к сожалению, пока еще слишком малочисленные), молодые люди, да часто и девушки, к моменту замужества уже имеют опыт интимной жизни. Не всякая близость ведет к браку, да, наверное, и не должна вести, коль скоро есть риск того, что он окажется неудачным. Но при этом должны быть полностью исключены последствия, отрицательно влияю-

щие на дальнейшую судьбу людей, в том числе и появление нежеланного ребенка.

Запретить добрачные отношения невозможно — это не в нашей власти. Значит, необходимо воспитание и развитие культуры отношений между полами, в том числе и в сфере интимной. Понятие этой культуры не сводится к одним лишь моральным категориям, а включает и знания в области физиологии полов и культуру контрацепции. Об этой сфере, к сожалению, как-то не принято говорить. Гораздо проще, конечно, считать, что детей приносят аисты и бороться за сохранение этой становящейся уже редкой птицы. Может быть, поэтому борьба с преувеличенным вниманием к вопросам пола, по словам известного советского социолога А. Г. Харчева, привела на деле к забвению этой важной области воспитания юношества.

Итак, проблема «дефицита» женихов или невест выглядит несколько иначе, чем это иногда представляется. Как мы видели, ею далеко не исчерпываются проблемы рождаемости и семьи. Более того, в иных случаях разговор об этом «дефиците» может подтолкнуть и к поспешному решению, за которое потом придется расплачиваться дорогой ценой. Главный путь решения семейных и демографических проблем — укрепление семьи и помощь ей в разрешении ее специфических трудностей.

2 Заказ 7966

В. А. БОРИСОВ

РОЖДАЕМОСТЬ В СССР: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

XXVI съезд КПСС наметил широкую программу экономического и социального развития нашей страны на XI пятилетку и до 1990 г. Большое внимание в этой программе уделено и вопросам демографического развития, указаны конкретные направления и меры эффективной демографической политики. Как было отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду партии, некоторые проблемы народонаселения в нашей стране за последние годы обострились. К числу таких проблем относится прежде всего проблема сокращения рождаемости, а точнее, распространения малодетности, о которой и пойдет речь в этой статье.

Сокращение рождаемости привлекло внимание ученых в середине 60-х годов, когда после сравнительно высокого стабильного уровня рождаемости на протяжении 50-х годов она начала быстро снижаться. За период с 1960 по 1969 г. число родившихся в СССР сократилось с 5341 до 4087 тыс. человек, общий коэффициент рождаемости — рождаемости на 1000 человек — с 24,9 до 17,0 (в дальнейшем общий коэффициент рождаемости будет обозначаться промилле — ‰), а коэффициент суммарной рождаемости[1] — с 2,80 (1960—1961 гг.) до 2,37 (1968—

[1] Коэффициент суммарной рождаемости показывает число детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь (условно с 15 до 50 лет), при уровне возрастной рождаемости расчетного года. Он рассчитывается как сумма однолетних возрастных коэффициентов рождаемости, деленная на 1000 (т. е. в расчете на одну женщину). При пятилетних возрастных интервалах сумма коэффициентов умножается на 5. Преимущество коэффициента суммарной рождаемости перед другими показателями рождаемости состоит в том, что его величина почти не зависит от особенностей возрастной структуры населения и поэтому может служить достаточно точной обобщающей оценкой уровня рождаемости. Одновременно при современной низкой детской смертности этот показатель характеризует и среднее число

1969 гг.). Специальные расчеты показали, что лишь 1/4 этого снижения была обусловлена действием структурных факторов, в то время как 3/4 были результатом уменьшения детности семей, т. е. среднего числа детей в семье.

Начиная с 1970 г. в показателе общего коэффициента рождаемости наступил перелом. Число родившихся и общий коэффициент рождаемости стали увеличиваться. Так, число родившихся возросло с 4226 тыс. в 1970 г. до 4851 тыс. в 1980 г., а общий коэффициент рождаемости увеличился соответственно с 17,4 до 18,3‰. В связи с этим не только представители профессий, мало знакомых с тонкостями демографического анализа, но и некоторые демографы заговорили о наступившем будто бы переломе в тенденциях рождаемости, о ее стабилизации или даже о повышении. Однако для такого мнения нет достаточных оснований.

Рост числа рождений и общего коэффициента рождаемости как по СССР в целом, так и по союзным республикам явился результатом действия структурных факторов: повышения доли женщин в возрасте от 20 до 30 лет в общей численности населения, улучшения половой структуры, повышения уровня брачности и снижения среднего возраста вступления женщин в брак. В сторону увеличения общего коэффициента рождаемости в целом по СССР действовал и такой структурный фактор, как увеличение процентной доли населения союзных республик с более высоким уровнем рождаемости (республики Средней Азии, Казахская, Азербайджанская, Армянская, Молдавская ССР) в общей численности населения страны. Только одним этим фактором объясняется 44 % прироста величины общесоюзного коэффициента рождаемости за 1970—1980 гг. Если бы структура населения СССР по долям населения союзных республик в общей численности населения оставалась неизменной, то при фактически наблюдаемых в каждой союзной республике коэффициентах общий коэффициент рождаемости в целом по СССР в 1980 г. равнялся бы не 18,3‰ (каким он был), а 17,9‰.

детей в семье (детность семьи), и степень замещения поколений, т. е. уровень воспроизводства населения. Так, границе простого воспроизводства населения примерно соответствует величина коэффициента суммарной рождаемости, равная 2,1—2,2 (в зависимости от уровня смертности).

Таблица 1

Динамика коэффициентов суммарной рождаемости в СССР и союзных республиках за период с 1969—1970 по 1979—1980 гг.

	1969—1970	1971—1972	1972—1973	1973—1974	1974—1975	1975—1976	1976—1977	1977—1978	1978—1979	1979—1980
СССР	2,389	2,469	2,433	2,412	2,407	2,389	2,367	2,320	2,285	2,259
РСФСР	1,971	2,053	2,023	2,000	1,993	1,969	1,967	1,938	1,902	1,887
Украинская ССР	2,044	2,123	2,083	2,044	2,044	2,023	1,989	1,943	1,962	1,960
Белорусская ССР	2,298	2,337	2,284	2,233	2,198	2,139	2,105	2,069	2,058	2,037
Узбекская ССР	5,636	5,841	5,669	5,706	5,679	5,660	5,483	5,247	5,096	4,905
Казахская ССР	3,307	3,366	3,319	3,313	3,299	3,258	3,213	3,131	3,025	2,939
Грузинская ССР	2,616	2,611	2,572	2,577	2,536	2,516	2,450	2,355	2,294	2,251
Азербайджанская ССР	4,633	4,301	4,132	4,035	3,949	3,916	3,822	3,642	3,484	3,329
Литовская ССР	2,354	2,376	2,289	2,227	2,201	2,185	2,161	2,112	2,067	2,011
Молдавская ССР	2,563	2,630	2,626	2,587	2,564	2,518	2,458	2,392	2,384	2,382
Латвийская ССР	1,926	2,010	1,986	1,972	1,981	1,946	1,910	1,874	1,865	1,880
Киргизская ССР	4,846	4,968	4,889	4,807	4,753	4,850	4,783	4,558	4,410	4,133
Таджикская ССР	5,903	6,153	6,071	6,196	6,265	6,313	6,160	5,988	5,970	5,760
Армянская ССР	3,195	3,170	3,070	2,913	2,819	2,786	2,716	2,603	2,460	2,383
Туркменская ССР	5,930	5,904	5,867	5,854	5,769	5,713	5,668	5,499	5,272	5,133
Эстонская ССР	2,143	2,188	2,145	2,111	2,094	2,078	2,095	2,075	2,014	2,011

Использование более совершенных показателей рождаемости дает более правильное представление о действительной тенденции рождаемости. В частности, анализ динамики коэффициентов суммарной рождаемости показывает, что снижение рождаемости продолжалось и в 70-е годы (табл. 1).

В целом по СССР после кратковременного и незначительного повышения коэффициента суммарной рождаемости с 2,39 в 1969—1970 гг. до 2,47 в 1971—1972 гг. он неуклонно уменьшался в последующие годы и к 1979—1980 гг. составил 2,26 ребенка, т. е. был ниже, чем в 1969—1970 гг. (в то время как общий коэффициент — выше). В союзных республиках при сходстве основного направления динамики коэффициента суммарной рождаемости имелись некоторые частные различия в ее характере. В большинстве из них, так же как и в среднем по СССР, наблюдалось кратковременное повышение коэффициента в 1970—1972 гг., кроме Грузинской, Азербайджанской, Армянской и Туркменской ССР, где и такого повышения не было. В Узбекской ССР коэффициент суммарной рождаемости повышался до 1973—1974 гг., а в Таджикской ССР — до 1975—1976 гг., после чего и в этих республиках он начал снижаться, и довольно быстро. При этом следует отметить, что снижение рождаемости в республиках с высоким ее уровнем происходит не только у населения некоренных национальностей, проживающего в этих республиках, но и у коренного населения.

Результаты расчетов показывают, что в 70-х годах по сравнению с 60-ми годами рождаемость сократилась почти у всех указанных в табл. 2 национальностей, причем наиболее значительным это сокращение было у белорусов, грузин, азербайджанцев, казахов, молдаван и армян. У латышей и эстонцев коэффициенты рождаемости фактически не изменились (формально рассуждая, даже несколько возросли). Однако надо иметь в виду, что, во-первых, эти коэффициенты дают лишь приближенную оценку, поэтому незначительная разница между ними может быть случайной, статистически незначимой; во-вторых, как всякий общий коэффициент, и эти коэффициенты находятся под влиянием изменения возрастной структуры, роста брачности и омоложения браков. Во всяком случае, об их росте говорить не приходится.

Итак, рождаемость в 70-е годы продолжала снижаться. Но проблема заключается не просто в снижении рож-

Таблица 2

Среднегодовые коэффициенты рождаемости и прироста населения основных национальностей союзных республик СССР за межпереписные годы 1959—1969 и 1970—1978 гг. (на 1000 населения)

	Рождаемость			Прирост		
	1959—1969	1970—1978	индекс динамики	1959—1969	1970—1978	индекс динамики
Латыши	12,3	12,4	1,01	1,9	0,7	0,37
Эстонцы	12,3	12,8	1,04	1,6	1,4	0,88
Белорусы	19,2	13,1	0,68	12,3	4,9	0,40
Украинцы	15,8	14,0	0,89	8,2	4,3	0,52
Русские	18,9	16,5	0,87	11,2	7,0	0,63
Литовцы	20,5	16,8	0,82	12,4	7,5	0,60
Грузины	24,0	18,4	0,77	17,1	10,7	0,63
Молдаване	24,7	19,3	0,78	18,1	10,7	0,59
Армяне	28,4	22,5	0,79	22,5	17,2	0,76
Казахи	41,2	30,6	0,74	35,2	23,9	0,68
Азербайджанцы	43,7	31,7	0,73	36,9	25,1	0,68
Киргизы	44,1	38,4	0,87	37,5	30,7	0,82
Туркмены	45,6	39,5	0,87	38,9	32,2	0,83
Узбеки	45,1	40,8	0,90	39,3	34,3	0,87
Таджики	45,2	41,9	0,93	39,4	34,5	0,88

Национальности в таблице расположены в порядке возрастания коэффициента рождаемости в 1970—1978 гг.

даемости, а в ее снижении до слишком низкого уровня, недостаточного для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения. Как уже отмечалось ранее, границе простого воспроизводства населения соответствует величина коэффициента суммарной рождаемости, равная примерно 2,1—2,2 живорождения в среднем на одну женщину за всю жизнь, без учета ее брачного состояния, или 2,3—2,4 живорождения в среднем на один брак, без учета способности к деторождению, или примерно 2,5—2,6 живорождения в среднем на один обладающий плодовитостью брак. Этому же примерно соответствует и общий коэффициент рождаемости — 16‰.

Следовательно, ни при каких условиях двухдетная семья не обеспечивает хотя бы простое замещение поколения родителей поколением их детей. Или, иначе говоря, двое детей не замещают двух родителей, как иногда считают многие. Замещения не происходит потому, что девочек рождается меньше, чем мальчиков; не все дети выживают (и какая-то смертность в детских и молодых воз-

растах будет всегда); часть людей от рождения бесплодны и с возрастом бесплодие увеличивается. Поэтому только для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы примерно половина семей имела двух детей, а половина — трех.

Если желателен некоторый рост населения, то семья с тремя детьми должна быть преобладающей. Отсюда проблема рождаемости часто в печати трактуется как «проблема третьего ребенка». При этом число бездетных и однодетных семей должно быть близким к нулю. Если же однодетность становится распространенной (как это уже произошло в крупнейших городах), то даже для простого воспроизводства населения третьих детей становится уже недостаточно, нужны четвертые, пятые и т. д. К примеру, до 1962 г. в СССР в целом простое воспроизводство населения обеспечивалось рождением уже третьих детей, а теперь — только шестых.

Таким образом, с демографической точки зрения, т. е. с позиций оценки характера воспроизводства населения и темпов его роста, можно разделить все семьи по числу детей на три типа: малодетная семья — 1—2 ребенка, среднедетная семья — 3—4 ребенка и многодетная семья — 5 и более детей.

В прошлом, в дореволюционной России рождаемость была очень высокой, 45—50 родившихся в год на 1000 населения, а в некоторых губерниях — даже более 60. В конце XIX в. коэффициент суммарной рождаемости в европейской части России равнялся около 7 детей. Но это не значит, что типичной была семья с семью детьми. Смертность также была очень высокой. Из числа рожденных детей до 20 лет доживала только половина. Поэтому при высокой рождаемости в прошлом не так уж много было многодетных семей, как часто полагают. В среднем на семью, закончившую свое формирование, приходилось по 3—4 выживших ребенка. Иначе говоря, типичной была среднедетная, а не многодетная семья. Многодетная семья была, скорее, идеалом, образцом благосостояния и здоровья, нежели реальностью.

После Великой Октябрьской социалистической революции смертность в нашей стране быстро снижалась, особенно детская, и поэтому сокращение рождаемости долгое время воспринималось учеными как закономерная реакция на снижение смертности. До известных пределов снижение рождаемости не сопровождалось уменьшением среднего числа детей в семье. Именно поэтому многие

ученые не замечали, что наряду с «демографическим переходом» от высокой рождаемости и смертности к низкой рождаемости и смертности рождаемость сокращается также и вследствие уменьшения самой потребности семьи в детях.

Данные текущей статистики рождаемости, Всесоюзных переписей населения и выборочных обследований, которых к настоящему времени проведено уже довольно много, показывают, что малодетная семья, с одним-двумя детьми, получает все большее распространение в нашей стране. Вернемся снова к коэффициентам суммарной рождаемости по союзным республикам, представленным в табл. 1, памятуя о том, что этот показатель при современной низкой смертности отражает и среднее число детей в семье, закончившей свое формирование. Как видим, в 1979—1980 гг. коэффициент ниже 2,1 (ниже уровня простого возобновления поколений) отмечался в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР, в республиках Советской Прибалтики. В перечисленных республиках проживает около 80% населения СССР. Таковы географические масштабы низкой рождаемости. Особенно сократилась рождаемость в крупнейших городах названных выше союзных республик, где коэффициент суммарной рождаемости составляет всего 1,5—1,6.

О распространенности малодетности говорят также данные выборочных обследований, регулярно проводимых ЦСУ СССР. За период с 1967 по 1978 г. в целом по СССР среди обследованной совокупности семей рабочих и служащих доля семей с одним и двумя детьми (до 16 лет) увеличилась с 84,6 до 89,2%, в том числе в городских поселениях — с 89,4 до 92,9%, в сельской местности — с 68,4 до 77,3%. Среди семей колхозников доля малодетных семей уже также велика: в 1978 г. — 68,1%.

На возможность дальнейшего снижения рождаемости и распространения малодетности (без учета воздействия мер демографической политики) указывают результаты изучения так называемой дифференциальной рождаемости, т. е. различий по числу рожденных детей в семьях в зависимости от уровня материальной обеспеченности, социальной принадлежности, места проживания, уровня образования и т. п. Исследования, проводившиеся в течение нескольких десятков лет, обнаружили любопытное явление: число детей в среднем меньше в более обеспеченных и более образованных семьях, чем в семьях менее обеспеченных и менее образованных. Этот парадокс

противоречит житейским представлениям о связи рождаемости с благосостоянием.

Многие ученые долго не хотели верить в реальность «парадокса обратной связи», считали его результатом методических ошибок в проведении исследований. Но начиная с середины 60-х годов использование новых методов исследования, при которых ученые уже не ограничивались, как прежде, лишь сопоставлением фактических чисел рождений с показателями условий жизни на момент обследования, а стали опрашивать женщин также и о том, какое число детей в семье они считают наилучшим и сколько детей они планируют иметь, многое изменило в представлениях о рождаемости. Оказалось, что большинство семей имеет определенный план относительно рождения детей и в основном его придерживаются. Поэтому ожидаемое семьями число детей в среднем может служить хорошим ориентиром для демографических прогнозов будущей рождаемости. Оказалось также, что более обеспеченные и более образованные женщины не только имеют меньше, но и желают иметь меньше детей, чем менее обеспеченные и менее образованные.

В городах ожидаемое число детей в среднем меньше, чем в сельской местности, у рабочих — меньше, чем у колхозников, у служащих — меньше, чем у рабочих. При этом чем крупнее город, тем меньше среднее ожидаемое число детей. Например, по материалам обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1972 г., среднее ожидаемое число детей у замужних городских женщин в семьях рабочих и служащих в целом по СССР составило 2,05 (напомним, что для простого воспроизводства населения необходимо в среднем 2,5—2,6 рождения на один брак). Ожидаемое число детей варьировало от 2,40 в городах с числом жителей менее 20 тыс. до 1,79 в городах с числом жителей 500 тыс. и более. Самые низкие ожидаемые числа детей отмечены в крупнейших городах: в Москве — 1,69, в Ленинграде — 1,55 ребенка в среднем.

Опросы показывают также, что младшие поколения женщин намерены иметь детей меньше, чем старшие. Следовательно, если репродуктивные планы семей не изменятся, уровень рождаемости будет продолжать снижаться. До каких пределов может продолжаться это снижение (если не вмешиваться в этот процесс специальными мерами демографической политики), сказать трудно. Здесь нужно отметить, что никаких биологических механизмов, никаких «инстинктов размножения», способ-

ных удерживать рождаемость на некотором уровне, у людей не имеется. То, что в обиходе иногда называется «материнским инстинктом», не имеет под собой научной обоснованности, это социально-психологическое качество, воспитанное и воспитываемое социальными нормами.

Теоретически в отличие от смертности рождаемость может снижаться в пределе до нуля, до массовой бездетности. Практически же все зависит от эффективности социального механизма, управляющего уровнем рождаемости. Частью этого механизма является демографическая политика, направленная на поддержание такого уровня рождаемости, который признается общественно целесообразным. Для того чтобы определить цели и методы такой демографической политики, нужно хорошо знать причины изменения рождаемости, ибо, только воздействуя на подлинные причины, можно достичь желаемых следствий.

В последние годы советские демографы значительно продвинулись в понимании механизма воздействия социально-экономических и других факторов на рождаемость и причин ее снижения до слишком низкого уровня. В прошлом ученые в разных странах (преимущественно экономисты и статистики) искали эти причины непосредственно в условиях жизни, невольно подразумевая потребность в детях у всех одинаковой, отождествляя ее с биологическим якобы «стремлением к размножению», которое ограничивается лишь внешними по отношению к личности условиями (средствами существования, социальными нормами и т. п.). Установленный парадокс «обратной связи между условиями жизни и рождаемостью» способствовал изменению подобных мнений. Осознание социального характера рождаемости поставило перед учеными вопрос о тенденциях рождаемости по-иному: что заставляет семью иметь детей вообще и уже затем почему именно то или иное число их? Этот поворот в мышлении произошел совсем недавно, на рубеже 60—70-х годов, и он еще не стал всеобщим даже среди специалистов, изучающих проблемы рождаемости.

На основе изучения истории семьи в России и других странах можно сделать вывод о том, что сокращение рождаемости произошло в результате изменения взаимоотношений семьи с производством, исторического изменения функций семьи и роли детей в ней. В прошлом большое число детей в крестьянской семье было экономически необходимо, так как дети с раннего возраста принимали

участие во всех хозяйственных работах. Большая неразделенная семья была способна обработать бóльшую площадь земли, кооперировать трудовые и денежные затраты и тем самым обеспечить более высокую производительность труда. Многодетности в России способствовало и общинное землепользование, при котором периодически производились переделы земли в пользу многодетных семей. Дети были опорой родителей в старости, без них старики были обречены на нищету.

Индустриализация, развитие промышленного труда вне семьи, с индивидуальной заработной платой, независимой от числа детей и вообще от наличия семьи (первоначально этот процесс происходит в городах), привели к отмиранию производственной функции семьи. В результате дети утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи. Развитие систем социального страхования и обеспечения, общественных служб по уходу за престарелыми приводит к тому, что дети постепенно утрачивают значение материальной опоры в старости.

Именно в результате отмирания производственной функции семьи, с которой в первую очередь было связано число детей, потрéбность в детях становится лишь социально-психологической (потребность любить, опекать, заботиться о младших, слабых, испытывать с их стороны любовь, уважение, видеть в них продолжение своей жизни, личности, желание быть таким, как все, следовать признанным в обществе правилам поведения и т. п.), для удовлетворения которой, по-видимому, достаточно одного-двух детей. Таким образом, тенденция сокращения рождаемости вплоть до малодетности — не случайное, временное явление, вызванное какими-либо трудностями, нехваткой материальных благ и т. п., как нередко считают до сих пор. Эта тенденция имеет объективный, исторический характер, является диалектическим порождением общественного прогресса.

При социализме в сторону сокращения рождаемости действуют и такие социальные завоевания, как равенство женщин и мужчин, отсутствие этнической замкнутости (при которой этнические меньшинства стремятся укрепить себя, увеличивая свою численность высокой рождаемостью), отсутствие социальных барьеров, высокая социальная мобильность трудящихся. Но нельзя сбрасывать со счетов и некоторые негативные факторы: недостаточное пока развитие сферы быта, в результате чего «двойная занятость» женщин конкурирует с потребностью

иметь второго или третьего ребенка; определенную роль играют и имеющиеся еще трудности с получением жилья для молодых семей, а также еще встречающаяся в общественном мнении недооценка социальной важности семейных функций как женщин, так и мужчин.

В настоящее время ситуация такова, что определенная часть семей хотела бы иметь детей больше, чем имеет. Об этом говорят результаты проведенных исследований. Однако эти исследования не позволяют установить действительное число таких семей, так как оно очень мало по своим масштабам, носит локальный характер, зачастую исследования методически несовершенны. В то же время эти же исследования показывают, что значительная часть семей вполне удовлетворена одним-двумя детьми и не будет иметь их больше при любых материальных улучшениях.

Хотя тенденция к уменьшению потребности семьи в детях представляет собой объективную закономерность, обусловлена историческим прогрессом, это не означает, что мы должны лишь пассивно взирать на сокращение воспроизводства населения, принимать его как неизбежное или надеяться, что численность населения повысится сама собой. Социалистическое общество способно изменить тенденцию рождаемости в желаемую сторону и поддерживать ее на общественно необходимом уровне с помощью активной демографической политики, на основе познания законов, управляющих рождаемостью, сознательно их используя. При этом, конечно, речь идет о гармоничном сочетании репродуктивных интересов семьи и общества в целом.

Именно на преодоление негативных тенденций рождаемости в определенных районах нашей страны, на создание благоприятных условий для роста населения направлены мероприятия, принятые XXVI съездом КПСС и содержащиеся в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» (1981 г.). Эти меры предусматривают, в частности, поэтапное введение частично оплачиваемого отпуска для работающих или учащихся женщин по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года; введение единовременного пособия работающим или учащимся матерям в размере 50 руб. при рождении первого ребенка и 100 руб. при рождении второго и третьего ребенка; ряд льгот для семей с детьми и молодоженов при получении государственной жилой

площади, а также при кооперативном и индивидуальном жилищном строительстве и другие меры.

Важно отметить, что эти меры представляют собой только первый этап демографической политики. Намеченные XXVI съездом КПСС мероприятия имеют целью прежде всего помочь семьям, и особенно молодым, в реализации имеющейся потребности в детях. Конечно, эти меры нужно рассматривать в общем контексте выполнения главной задачи одиннадцатой пятилетки, поставленной партией, — задачи дальнейшего роста благосостояния советских людей, успешного выполнения продовольственной и жилищной программ. Именно на фоне быстрого роста уровня жизни всего народа определенные преимущества для семей с детьми, особенно с тремя-четырьмя детьми, могут оказать не только реальное экономическое, но и психологическое воздействие, поднять престиж таких семей в общественном мнении.

Огромная роль в этом отношении принадлежит также средствам массовой информации, произведениям литературы и искусства, в которых бы демографически грамотно и тактично пропагандировались семейные ценности, преимущества среднедетности. «Решающим фактором в повышении рождаемости, — отмечает секретарь ЦК КП Латвии И. А. Андерсон, — является *духовная готовность* матери и всей семьи иметь не одного-двух, а по крайней мере трех детей, в чем так заинтересовано общество. Исходя из этого необходимо повернуть общественное мнение к утверждению такой духовной готовности, особенно у молодого поколения. Именно повернуть, потому что принятые до сих пор стереотипы мышления шли в противоположном направлении»[1].

Рождаемость, число детей в семье оказывают влияние почти на все стороны общественной жизни, являются важнейшими компонентами образа жизни. Поэтому, если мы хотим повлиять на рождаемость, мы должны определенным образом повлиять на образ жизни, повернуть его ближе к семье, поощрять проведение досуга в семье и с семьей и т. п. Именно сочетание материальных и моральных преимуществ для семьи с тремя-четырьмя детьми, повышение ее престижа в общественном мнении должны и могут способствовать росту числа таких семей, а тем самым и решению проблемы рождаемости.

---

[1] *Андерсон И. А.* Третий ребенок. Рига, 1979, с. 26.

В. В. БОЙКО

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ПОТРЕБНОСТЬ В ДЕТЯХ?

Малодетная семья... Она все более утверждается как норма городского образа жизни и цель супружества. Это беспокоит демографов, социологов, экономистов и психологов. Ведь рождаемость снижается, а это приводит к тому, что в структуре городского населения все большее место занимают люди пожилого возраста, ощущается недостаток рабочих рук, в некоторых местах закрываются школы. Исследователей продолжает волновать вопрос о том, какие обстоятельства, мотивы и потребности побуждают значительную часть современников иметь небольшое количество детей.

Репродуктивное поведение большинства людей не всегда можно истолковать исходя из очевидного. Сознание людей поднялось на новые ступени. Ярко проявляется гуманность в отношениях человека к человеку (речь идет о населении социалистической части мира, где дети пользуются всеми привилегиями и всеобщей любовью). Значительно улучшились материально-бытовые условия жизни каждой семьи. И на фоне колоссальных экономических и социальных достижений общества произошло сокращение рождаемости. Семья становится чаще всего одно- и двухдетной (это касается многих высокоразвитых стран и главным образом населения крупных промышленных центров).

Прежде было иначе: потребность в детях удовлетворялась при условии многодетности, и связано это было с рядом обстоятельств. Среди них можно назвать экономическую заинтересованность прежней семьи в увеличении рождаемости (от числа детей зависел земельный надел, дети помогали в хозяйстве или зарабатывали на фабриках и заводах), распространенность традиций многодетности и высокую детскую смертность, побуждавшую

женщин рожать много детей с учетом, что выживет не каждый ребенок. Так или иначе еще в недалеком прошлом обстоятельства жизни вынуждали семью иметь много детей.

В современную эпоху уже не действуют «рычаги», приводившие в действие механизм многодетности. Основная причина, не позволяющая в наше время иметь большую семью в городе, — занятость женщин в общественном производстве. Прежде женщина тоже работала, но преимущественно в сельском хозяйстве, при доме, присматривая за детьми, так сказать, «без отрыва от производства».

Кроме того, современное общество вряд ли заинтересовано в очень большой семье. Это обусловлено стремлением повысить жизненный уровень людей, обеспечить качественный рост человека как работника и личности. Родители теперь руководствуются принципом «лучше меньше, да лучше»: они ограничивают число детей, стремясь предоставить им как можно больше из того, чем располагает современная культура — дать высшее образование, сохранить физическое и психическое здоровье, предоставить возможность для всестороннего развития задатков, лучше обеспечить их материально, помочь им после женитьбы.

Однако ограничение семьи одним-двумя детьми нежелательно. Ученые, принимая в расчет различные соображения, считают, что в городской семье надо иметь 3—4 детей. Резервы стимулирования рождаемости могут быть разные — экономические, социальные, связанные с улучшением бытовых условий, сферы обслуживания, облегчением нагрузки женщины-матери. Существенную роль могут сыграть психологические меры, в частности имеющие отношение к целенаправленному формированию потребности в детях.

У читателя может возникнуть вопрос: столь ли существен психологический момент, чтобы серьезно учитывать его в регулировании демографического поведения населения? Обратим внимание на то, что упомянутые выше объективные факторы, обусловившие сокращение рождаемости, вполне объясняют общую тенденцию — появление малодетной семьи, однако при этом имеют место разные вариации: многие родители воспитывают одного ребенка, некоторая часть — двоих, а есть семьи, где растет 3—4 и более детей. Чем это объяснить?

Самый простой ответ — различиями в материальных и жилищных условиях. Однако научные данные, да и жизненный опыт показывают, что нередко те, у кого лучше жилищные условия и выше доход на члена семьи, имеют меньше детей, но часто бывает так, что при многих равных условиях в семьях имеется разное число детей. Нами специально было подобрано и обследовано свыше 100 инженерно-технических работников с «выравненными» признаками: возраст 35—45 лет, состоят в первом браке, брачный стаж примерно одинаков, выросли с отцом и матерью, не планируют увеличение семьи, имеют схожий заработок и характер труда, у всех работающие жены и также с инженерно-техническим образованием, в семьях были очень схожие жилищные и экономические условия на момент рождения первенца. Семьи отличаются тем, что в них в настоящее время разное число детей — один (у 48 обследованных) или двое (у 53 обследованных).

Не вызывает сомнения, что причина вариации числа детей в таких случаях лежит в психологии семьи и родителей. Какие именно психологические факторы влияют на потребность в детях, как можно добиться того, чтобы при благоприятных материально-бытовых условиях число детей в семье увеличивалось до 3—4?

Чтобы правильно решить эту задачу, следует обратить внимание на то, что социально-экономические перемены, происшедшие в обществе за последние десятилетия, привели не только к изменению типа городской семьи (многодетная семья уступила место малодетной), но и к переменам в психологии отношений родителей к детям. И потребность в детях, и любовь к ним проявляются сегодня иначе, чем прежде. Главное отличие в том, что современный человек более независимо демонстрирует свою *индивидуальность в отношении к детям.* В своем репродуктивном поведении он менее ограничен общественными закономерностями, экономическими зависимостями, нормативами и больше руководствуется личными чувствами, умонастроениями, привязанностью к детям, что в свою очередь зависит от новых создавшихся в обществе условий, а также от личности, обстоятельств жизни в родной семье, ценностных ориентаций, выбора брачного партнера.

Иначе можно сказать, что в современную эпоху факторы, определяющие число детей в конкретной семье (при общей для всех сложившейся тенденции снижения рож-

даемости), значительно переместились из области общественной регуляции в область личностную и внутрисемейную. Разумеется, это произошло не потому, что современнику так больше нравится, а потому, что таково веление объективных обстоятельств, такова тенденция развития отношений между обществом и семьей, в этом проявляется новая форма их зависимости.

Именно роль индивидуального отношения личности к детям часто игнорируется при объяснении различий в репродуктивном поведении людей в условиях малодетности и прежде всего различий в имеющемся, желаемом, планируемом, идеальном числе детей. Это можно объяснить тем, что потребность в детях долгое время считалась врожденной, биологически обусловленной, инстинктивной. Некоторые исследователи, которые и сейчас прямо заявляют об инстинктивной природе потребности в детях, считают, что в этом гарантия от беспредельного снижения рождаемости. Другие говорят о том же, но в завуалированной форме, подчеркивая биологический аспект потребности в детях. Третьи полагают, что природный родительский инстинкт существует, но он преобразован социальным опытом человека.

Однако все убедительнее звучит мнение тех ученых, которые считают, что нет никаких биологических законов, врожденных инстинктов, заставляющих иметь детей, и тем более определенное их число. Законы регулирования рождаемости следует искать в сфере социального, а особенности отношений к детям объяснимы свойствами личности и конкретной супружеской пары.

На чем же основана вера некоторых специалистов в области изучения рождаемости в те что потребность в детях заложена в каждом человеке и что она непременно должна проявиться? Вот, к примеру, позиция одного из современных буржуазных психологов, которые видят человека прежде всего как биологическое существо, а затем уже как социальное. Ю. Бардвик, изучив обширную литературу, приходит к выводу, что наше эволюционное наследство включает как *способность* быть родителями, так и *потребность* быть родителями и что особенно это верно по отношению к женщинам.

Мысль о том, что человек способен к родительству, не вызывает сомнения, однако спорны доводы, которые приводит Ю. Бардвик насчет потребности в родительстве. Так, утверждается, что приматы, включая человека, выработали психологические структуры, специально при-

способленные для реакции на сигналы, поступающие от маленьких детей. С таким утверждением нельзя согласиться, ибо известно, что у человека нет ни особых органов, ни специальных функций мозга, которые специализировались бы только на реакциях по отношению к детям.

Далее Ю. Бардвик утверждает, что способность заботиться о детях объясняется частью нашего генетического наследства: взрослые обладают способностью заботиться о детях, а дети обладают способностью вызывать такую заботу. Этот довод требует уточнения. Психика человека, действительно, от природы обладает такими потенциалами, которые позволяют ему усвоить определенные эталоны отношений к детям, реагировать на их поведение. Но то, как эти потенциалы проявятся и проявятся ли вообще, зависит от условий воспитания, особенностей личности. От природы ребенок не наделен и «способностью вызывать заботу со стороны людей». Здесь нельзя путать реакцию взрослого человека на беспомощность, беззащитность, плач и прочие действия, вызывающие сочувствие у взрослых (ведь этим обусловлено отношение к младенцу), с психической способностью ребенка вызывать такую реакцию, якобы присущей ему от рождения[1].

Следующий довод основывается на данных, показывающих, что мать реагирует на своего ребенка на биологическом уровне — на его крик, сосательную реакцию. В качестве возражения можно отметить, что мать реагирует на ребенка вовсе не в силу биологической обусловленности, а в меру своей сознательности и ответственности, характера и темперамента. Определенную роль могут играть также переживания матери, связанные с беременностью и родами, ожиданиями и надеждами. Не исключено влияние гормонального состояния матери после рождения ребенка, которое делает ее особо чувствительной к стимулам, поступающим извне, в том числе от ребенка. Однако данный фактор, хотя и имеет биологическую природу, действует в течение короткого периода

---

[1] Известны случаи, когда человеческий детеныш находил попечительство и заботу со стороны животных, например, вырастал среди обезьян, волков, оленей и платил им привязанностью. Отсюда нельзя сделать вывод, что ребенок наделен также способностью «вызывать заботу» со стороны обезьян, волков, оленей и т. д. Правомерно утверждать одно — от природы психика человека наделена потенциалами, которые обеспечивают ему возможность поддерживать контакты с ближайшим окружением.

времени и наблюдается не у каждой женщины, ставшей матерью.

Можно было бы продолжить анализ доводов, с которыми выступают Ю. Бардвик и некоторые другие западные исследователи. Но все они не в состоянии сделать следующее: во-первых, доказать обязательность и одинаковость проявления потребности в детях у каждого человека; во-вторых, объяснить различия, наблюдаемые в проявлении потребности и отношений к детям у разных людей.

Отсутствие жесткого стандарта в отношениях родителей к детям и вообще человека к ребенку, а также наличие разных вариаций в проявлении привязанности и любви к детям свидетельствуют о незапрограммированности репродуктивного поведения. Более того, общество через определенные факторы способно влиять на проявление чувств взрослых к детям. По нашему мнению, такие современные обстоятельства, как занятость женщин в общественном производстве, возросшие ритмы жизни, расширение круга потребностей личности, стремление к высшему образованию и комфорту (при некотором дефиците общественных возможностей), вызвали не только необходимость ограничения рождаемости, но отразились также на проявлении любви к детям, точнее на одной стороне этого чувства — чадолюбия. Оно претерпело заметные изменения и стало играть существенную роль в том, хочет ли личность иметь более одного ребенка, вопреки известным трудностям и необходимости чем-то пожертвовать во имя рождения еще одного сына или дочери или нескольких детей.

Что же означает старомодно звучащее слово «чадолюбие»? Чем оно отличается от всем привычного понятия «любовь к детям»? Понятие «любовь к детям» очень объемно по своему содержанию и вмещает разные смысловые и эмоциональные оттенки в зависимости от того, в какой связи мы его употребляем. Любовь к детям, рассматриваемая как норма человеческих отношений, означает проявление заботы и попечительства старшего поколения над младшим. Эту норму каждый усваивает по мере взросления, овладения культурными традициями, копируя те образцы взаимоотношений между поколениями, которые предлагает общество.

Кроме того, любовь к детям может выступать как характеристика общих принципов и установок взрослой личности, которая понимает, что дети — это радость и бо-

гатство человека, что бережное отношение к ним — долг и обязанность отца и матери. Проявление такого содержания в любви к детям во многом зависит от того, в какой атмосфере воспитывалась личность, какой пример отношений к детям показали ей в родной семье.

Когда мы говорим о конкретном человеке, что он любит детей, то при этом подразумеваются уже не только его общие установки и принципы, а проявление особых личностных свойств в контакте с детьми — умение понимать их душевное состояние, терпеливо воспринимать их капризы и шалости, стремление помочь в трудную минуту и желание быть всегда с ними рядом. Здесь любовь к детям в максимальной степени отражает личную судьбу, характер, сферу чувств и привязанностей человека, его жизненную позицию.

Иные оттенки состояний и чувств индивида подразумеваются в том случае, если речь идет о любви к собственным детям. Отношение к своему ребенку особенное: оно включает не только и, может быть, не столько общие принципы и установки, усвоенные в обществе, но прежде всего личностные качества, обусловленные непосредственным жизненным опытом, а главное в любви к своему ребенку — чувство родства, физической близости, ощущение неповторимости родного человека и сознание ответственности за его благополучие. Родительская любовь часто оказывается во много раз сильнее того чувства, которое мы испытываем к детям вообще.

Сегодня мы научились обходиться одним общим понятием «любовь к детям», при надобности уточняя его содержание или даже не замечая указанных выше смысловых и эмоциональных различий. Но еще несколько десятков лет тому назад в русском языке бытовало специальное слово для обозначения родительской любви к детям — «чадолюбие». Чадолюбивый, по Далю, значит любный отец или мать[1]. Родительское чувство способно про-

---

[1] Это не единственный пример, когда смысловые оттенки понятия закреплялись прежде в отдельных словах, а затем заменялись общим словом. Так, в современном языке мы употребляем слово «любовь» в разных значениях, когда имеем в виду отношения человека к человеку, обусловленные социальными связями, отношения в семье, к ближнему, между мужчиной и женщиной. Слово «любить» иногда выступает как синоним половой близости. В древнегреческом языке каждому из этих значений соответствовало самостоятельное слово: филиа — это любовь — дружба, обусловленная социальными связями и личным выбором; сторгэ — любовь — нежность, особенно семейная; агапэ — жертвенная и снисходящая любовь к ближнему; эрос — сти-

являться как у мужчины, так и у женщины еще до рождения ребенка, при мысли о нем или во время беременности, или в период планирования семьи и даже раньше. Чадолюбие — особый психический настрой личности в отношении к будущему или имеющемуся собственному ребенку, что, возможно, заводит некоторых специалистов в заблуждение, когда они утверждают, что потребность в ребенке заложена в человеке от природы. Но чадолюбие может проявляться по-разному и долго отсутствовать, особенно у отцов, даже после рождения ребенка.

Если теперь задать вопрос о том, что же сегодня происходит с любовью к детям, то прежде всего важно отдавать себе отчет, о какой именно любви идет речь — о норме человеческих отношений, о характеристике общих принципов и установок личности, о проявлении ее особых свойств или отношении к собственному ребенку? Эти стороны любви к детям могут не только по-разному характеризовать человека или представителей социально-профессиональных групп, но и действовать разнонаправленно.

Уменьшение размера семьи в нашем обществе нельзя объяснить изменением норм отношений к детям, тем, что люди хуже стали относиться к своему потомству или тем, что дети обесценились в наших глазах. Напротив, большинство людей искренне уверено, что мы живем прежде всего ради детей. Мы отдаем себе отчет в том, как важно правильно, по науке их воспитывать. А разве мы мало их бережем и окружаем заботой? Мы отводим для пионерского лагеря лучший лесной участок на берегу моря или озера. Мы немедленно бьем тревогу, если ребенок в опасности, любой, не только собственный. Государство проявляет постоянную заботу о детях, беря на себя около 80% их содержания в яслях и детсадах, полностью оплачивая расходы на их обучение в школе, профессионально-техническом училище, техникуме или вузе. Советское общество предоставляет бесплатную медицинскую помощь всем гражданам, а медицинская забота о ребенке начинается еще до его рождения, когда будущая мать становится на учет в женской консультации.

Любовь взрослого к детям как характеристика его принципов и установок также не подвергается сомнению: наш современник воспитывается в духе любви к детям,

---

хийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское или духовное, но смотрящая на свой предмет «снизу вверх».

они — особая для него ценность. Но что касается любви к детям как проявления индивидуально-личностных свойств и чадолюбия, то здесь отмечается большое разнообразие привязанностей и стилей. Ведь нельзя отрицать, что одни люди очень любят и своих, и чужих детей, другие сдержанно проявляют к ним чувства, одни высказывают симпатию ко всякому малышу, другие — только к хорошенькому. Есть люди, которые охотно забавляются с ребенком, когда он здоров и улыбается, и, напротив, стараются держаться подальше, если он болен или капризничает. Взрослые, как известно, по-разному ведут себя в присутствии детей, в том числе находящихся в неблагоприятном состоянии и даже опасности: одни реагируют немедленно, проявляют чувство беспокойства, другие — пассивны или проявляют отрицательные эмоции.

И если прежде, при многодетном типе семьи, эти индивидуальные различия в отношениях к детям нивелировались и перекрывались социальными предпосылками, побуждавшими иметь большую семью, то теперь, в условиях снижения рождаемости, они обнажились, приобрели самостоятельное значение. Раньше в семье рождалось много детей независимо от того, как к ним относились родители, ведь общество и условия жизни навязывали тенденцию многодетности; теперь же для рождения двух, трех и более детей решающее значение имеет чадолюбие при прочих приблизительно равных условиях. Именно оно предопределяет репродуктивные установки будущих пап и мам и отличает одного человека от другого. Убедимся в этом при помощи специально проведенных экспериментов.

Заметим, что любой эксперимент условен, поскольку проводится он в особой, более или менее искусственной обстановке. В неожиданной ситуации оказывается и сам участник опыта, его поведение в жизни могло бы быть иным. Тем не менее эксперимент позволяет обнаружить как бы в «чистом виде» то, что не всегда удается подметить в обыденных поступках людей.

В первом опыте участвовало 64 студентки и 45 студентов, у которых еще нет детей. Юноши и девушки не знали о содержании проводившегося исследования; они по одному приглашались в учебную аудиторию и вдруг без предупреждения раздавался ... детский плач. С магнитофонной ленты звучал голос грудного малыша.

Как же вели себя будущие папы и мамы? Большинство, конечно, сразу же поняло, что плач записан на

пленку. Около 6% девушек испытывали отрицательные эмоции — испуг, недовольство, раздражение, 32% переживало отрицательные и положительные эмоции одновременно, 39% участниц опыта выражали положительное эмоциональное состояние — улыбку, радость, приподнятое настроение. Часть девушек оставалась безучастной (23%) и экспериментатор не мог определить, что конкретно переживает будущая мать, услышав детский плач. Реакция юношей на экспериментальную ситуацию была такой: отрицательная — 15%, смешанная — 21, безразличная — 40, положительная — 24%.

Почему же молодые сердца по-разному откликнулись на плач младенца — этот символ беззащитности, сигнал опасности, призыв о помощи? Возможно, для некоторых юношей и девушек ситуация оказалась внезапной и потому они столь нервозно восприняли голос малыша. Ведь участники нашего опыта — студенты, для многих из них семейные проблемы видятся лишь в перспективе, меньше всего они думают сейчас о рождении детей. Правда, следует заметить, что, как показывают другие наши исследования, студенты в среднем называют большее число детей, которое они желали бы иметь при всех благоприятных условиях, чем другие социально-профессиональные группы в крупном промышленном городе. Скорее всего, сказывается юношеский оптимизм и незнание жизни.

На полученные итоги способна повлиять и условность опыта — в естественной ситуации с плачущим ребенком все студенты могли бы проявить беспокойство за малыша и участие к нему. А может быть, в такой непроизвольной форме выразилось самое непосредственное отношение к малышу — степень чадолюбия, которое затем будет диктовать личности стратегию репродуктивного поведения?

Например, те, кто в опыте пережил негативные эмоции, не пожелают иметь более одного ребенка и будут оправдывать этот факт любыми подходящими, хотя и не существенными для них причинами: не позволяют жилищные условия, появление ребенка снизит материальный уровень жизни семьи и другими. Впрочем, когда человек обзаводится детьми, в нем, как правило, пробуждаются новые чувства, негативный эмоциональный настрой молодости в отношении к детям уступает место пылкой и нежной привязанности к собственному ребенку.

Но продолжим наш эксперимент. Пока малыш «надрывается», просим каждого юношу и девушку представить себе ребенка, который плачет, и нарисовать его ли-

цо на листке бумаги. Одни молодые люди рисуют детское личико тщательно, с теплотой, нежностью (художественные способности не учитывались), проявляя тем самым положительное к нему отношение, — 49%; другие — наспех, нервно, даже со злостью, в результате получается не малыш, а какой-то уродец — 19%; смешанное чувство (тщательность в сочетании с небрежностью) выразило 26%; безразличное (несколько неопределенных штрихов, или отказ рисовать) — 6%.

Эксперимент зафиксировал непроизвольную, почти автоматическую реакцию юношей и девушек на детей, и, как видим, она разная. Спросим их теперь о переживаемом чувстве при восприятии детского плача? Ведь чтобы ответить на вопрос, надо подумать, принять во внимание, что от тебя ожидают, что принято в обществе. Оказалось, что словесные реакции у большинства (60%) одинаковые — положительные. Большинство утверждало, что хочется помочь малышу, успокоить его, дать соску, сменить пеленки и т. д. Почему произошел сдвиг реакций в положительную сторону?

Двойственность отношений к детям у некоторых участников опыта возникла под влиянием общественного стандарта: особых чувств к малышам они, вероятно, не испытывают, но на словах готовы утверждать обратное. Словесная реакция больше контролируется сознанием, подчиняется нормативам отношений к детям. Некоторые юноши и девушки будто сменили маски — непосредственное негативное или нейтральное реагирование на детский плач уступило место положительному, принятому и одобряемому в обществе, слова как бы завуалировали подлинное чувство.

Напрашивается вывод о том, что отношение к ребенку заложено в личности еще до того, как она станет матерью или отцом. Разумеется, речь не об инстинкте материнства. Какой уж тут инстинкт, если каждый воспринимает ребенка по-своему. Очевидно, дело в воспитании, жизненном опыте, культуре чувств, нравственной позиции личности. И если какие-либо моменты истории личности содействовали формированию отрицательного настроя по отношению к детям, то в той или иной мере это проявится и в отношении к их рождению, и в воспитании. По данным опросов, проведенных медиками, около 7% матерей обвиняют себя в недостаточной теплоте в отношениях к ребенку. Если у такой матери и родится второй малыш, то незапланированно, под давлением каких-либо

обстоятельств — стремление получить дополнительную жилплощадь, сохранить семью и др.

Отношение к детям, зафиксированное в эксперименте, и установки на число детей в семье, выявленные у его участников, связаны между собой. Эмоциональная и речевая реакция на детский плач у девушек находится в прямой зависимости с желаемым числом детей, а у юношей оба типа реакции зависят от числа детей, которое было у их матери. Речевая реакция студенток положительно связана с их возрастом, а эмоциональная — отрицательно. Это означает, что когда к оценке плачущего ребенка подключается слово и мышление, характер реакции девушек часто меняется с отрицательного на положительный (соответствующий общественным ценностям), и чем старше личность, тем отчетливее это происходит. С увеличением числа детей в родной семье увеличивается процент положительных эмоциональных и речевых реакций.

Возможно, кто-то из читателей подумает, что реакция на детский плач не очень показательна, чтобы делать выводы о различиях в отношении людей к детям. Действительно, один опыт мало о чем свидетельствует, отношение к детям проявляется в более обдуманных поступках и суждениях личности, но, как показали следующие эксперименты, также очень индивидуально.

Второй опыт заключался в том, что 144 студенткам давался набор из 100 фотографий детей грудного и детсадовского возраста. Дети грудного возраста были изображены голенькими или в ползунках, в разных позах и ситуациях, дети детсадовского возраста были сфотографированы на улице и в помещении во время обеда или игры. Предлагалось, просматривая каждую фотографию, сказать, нравится или нет ребенок, изображенный на ней, предусматривался также вариант ответа «затрудняюсь сказать».

Оказалось, что число нравящихся фотографий детей детсадовского возраста остается практически одинаковым (53,2—54,2%) независимо от числа желаемых детей в семье; только немногочисленная подгруппа лиц, указавших желаемое число детей 4, выбирает нравящиеся фотографии чаще (62%). А вот число фотографий понравившихся детей грудного возраста увеличивается соответственно числу желаемых детей. Это означает, что отношение к детям грудного возраста разграничивает девушек отчетливее, чем к детям постарше. Возможно, именно от-

ношение личности к грудным младенцам предопределяет установку к желаемому числу детей, и, по всей вероятности, стратегию репродуктивного поведения: когда появится первенец, будет ли планироваться второй ребенок и при каких условиях.

Зависит ли выбор фотографий от числа имеющихся детей? Для ответа на вопрос мы обратились с тем же заданием к мужчинам из среды инженерно-технических работников (48 однодетных и 53 двухдетных) с «выравненными» признаками, указанными выше. Значимых различий в выборе детских фотографий мужчинами, имеющими одного или двоих детей, не обнаружено, но при этом выбор нравящихся фотографий однодетными мужчинами на $^{1}/_{5}$ больше, чем у двухдетных. В то же время выбор фотографий находится в прямой зависимости от числа желаемых детей. Как правило, почти все дети на фотографиях нравятся тем ИТР, кто хотел бы иметь двоих или более детей, но при этом они чаще всего имеют одного ребенка и никто не намерен увеличивать семью.

Отсюда можно сделать вывод, что имеющееся число детей не столь отчетливо свидетельствует об отношении к ним, как желаемое. Очевидно, имеющееся число детей показывает зависимость репродуктивного поведения личности не только от отношения к ним, но и от прочих внешних и внутрисемейных обстоятельств. Не обнаружено зависимости при сопоставлении выборов инженерно-техническими работниками фотографий и числа детей у их матерей.

В третьем опыте изучалось еще более сложное проявление отношений личности к детям: 144 студенткам, пока не имеющим детей, предлагалось оценить две фотографии одного и того же ребенка — плачущего и смеющегося. Фотографии предъявлялись с интервалами около месяца, в обоих предъявлениях студентки должны были выразить свое отношение к ребенку при помощи одинакового набора пар полярных прилагательных, например, хороший — плохой, исключительный — обычный, воспитанный — невоспитанный, близкий — далекий, приятный — неприятный, волнующий — безразличный, послушный — капризный, спокойный — нервный, умный — глупый, здоровый — болезненный и т. д. (всего 21 пара полярных прилагательных). Между каждой парой полярных прилагательных помещалась оценочная шкала такого вида:

хороший +3+2+1 0—1—2—3 плохой.

При помощи антонимичных прилагательных и таких

шкал участник опыта показывал свое отношение к рассматриваемой фотографии, например, ребенок воспринимается как очень хороший — отмечается оценка +3, хороший —(+2), пожалуй, хороший —(+1), ни хороший, ни плохой — ноль, пожалуй, плохой — (—1) и т. д. По каждой шкале получено две оценки: одна характеризует отношение студенток к изображению плачущего ребенка, другая — отношение к тому же малышу, когда он смеется.

Оказалось, что отношение к ребенку, который находится в разных эмоциональных состояниях, зависит от желаемого числа детей в семье. Студентки, которые намерены ограничиться одним ребенком, оценивая смеющегося малыша, дают по большинству шкал оценки значительно ниже, чем другие участницы опыта, желающие иметь более одного ребенка. Данное обстоятельство можно объяснить различиями в чадолюбии: те, кто относится к детям сдержаннее, намерены ограничиться одним ребенком. Отсюда можно сделать такой практический вывод: чтобы повлиять на репродуктивные установки определенной части молодежи, в частности добиться увеличения желаемого числа детей, надо прежде осуществить мероприятия, содействующие повышению чадолюбия.

Оценки изображения плачущего малыша, напротив, чаще выше у тех, кто желает иметь одного ребенка, по сравнению с теми, кто хотел бы иметь больше детей. Ребенок воспринимается как более хороший, исключительный, воспитанный, близкий, здоровый и т. д. теми, кто менее чадолюбив.

Чем же можно объяснить такую позицию в оценке плачущего ребенка? По нашему мнению, менее чадолюбивая личность в большей степени склонна при определенных обстоятельствах демонстрировать ожидаемую социальную норму отношений к детям, чем более чадолюбивая личность. Со стороны тех, кто намерен ограничиться только одним ребенком, проявление сентиментальности — своего рода дань общественным нормам, в соответствии с которыми к детям надо проявлять внимание и заботу. Это механизм психологической компенсации. Для более чадолюбивого человека плачущий ребенок — сигнал неблагополучия, беспокойства, непослушания, проявление нездоровья и т. д., что и выражается в оправданном снижении оценок по сравнению с состоянием его психологического комфорта.

Эксперимент с фотографиями был повторен с мужчинами из числа инженерно-технических работников («вы-

равненные» группы, описанные выше). Имеющие двоих детей реагировали на смену изображения ребенка более заметно, чем те, у кого один ребенок, и это свидетельствует о большей выраженности чадолюбия у двухдетных участников опыта. Сдвиги оценок у инженерно-технических работников значительно ярче проявляются в зависимости от желаемого числа детей, чем от реально имеющегося. Вновь убеждаемся в том, что осуществляемая одно- и двухдетными мужчинами линия репродуктивного поведения подчинена не столько чадолюбию, сколько каким-то прочим факторам, однако отношение к детям влияет на желаемое их число в семье.

Итак, мы видим, что участники опыта (прежде всего речь идет о юношах и девушках — возможных будущих родителях) по-разному проявляют свое отношение к маленьким детям. В жизни это также наблюдается, но наслоение разных ситуаций и личностных особенностей порой мешает осознать, что не существует никакой обязательной врожденной программы отношений человека к ребенку и что потребность в детях не продиктована биологическими законами. Отношение к детям и, следовательно, потребность в них зависят от черт самой личности, при этом многое обусловлено ее воспитанием, тем, какие цели ставит человек перед собой, рассматривает ли он детей как помеху своим жизненным планам.

Чадолюбие может сыграть решающую роль в репродуктивном поведении, когда семья имеет материально-бытовые возможности для увеличения числа детей. Люди, слишком озабоченные собой, нацеленные на личное благополучие, комфорт, оберегающие себя от лишних переживаний и беспокойств ценой отказа от детей (еще одного ребенка), не станут увеличивать семью даже при всех благоприятных условиях. Эгоцентрическая установка мешает развитию чадолюбия — общего положительного психического настроя личности, который стимулировал бы появление в семье второго, третьего и четвертого ребенка.

Потенциалы родительского чувства у некоторых людей оказались ограниченными, их хватает на рождение и воспитание лишь единственного сына или дочери. Во имя второго ребенка и последующих детей не каждый готов испытать трудности или поступиться личным благополучием. Напротив, ярко выраженное чадолюбие может, по нашему мнению, стать реальным источником потребности в увеличении семьи, силой, помогающей личности преодо-

леть сопротивление житейских обстоятельств рождению еще одного ребенка.

Мы убедились в том, что отношение к детям у некоторых участников опыта противоречивое — на словах они демонстрируют любовь к ним и заботу, а на уровне непроизвольных реакций (восприятие детского плача, рисунок плачущего малыша, выбор нравящихся фотографий грудных детей) проявляются негативные эмоции или нейтральная реакция. Надо полагать, что акцентированное проявление любви к детям на уровне нормы общественных отношений мешает некоторым осознать низкую степень развития у себя чадолюбия. Показное чувство к детям не может стать психологической основой для принятия решения об увеличении числа детей в семье. Одна из целей общественного и семейного воспитания, а также демографической политики состоит в том, чтобы обеспечить единство слов и поступков личности, определяющих ее отношение к детям.

Появление в семье ребенка, конечно, может изменить характер установок, сложившихся у родителей до его рождения, но это не означает, что все отцы и матери одинаково искренне и глубоко полюбят своих детей. Умеренное проявление родительской любви к первому ребенку может отрицательно сказаться на появлении второго. В отношениях родителей к собственным грудным детям также наблюдаются определенные различия, что подтверждается научными данными.

Современный английский исследователь Л. Солк наблюдал за поведением женщин-матерей, когда им подают новорожденного ребенка[1]. Из 225 обследованных матерей 83 % держали ребенка слева у груди или у левого плеча и только 17 % — справа. Солк решил, что различие в поведении женщин может быть связано с материнским чувством, которое успело или не успело возникнуть у молодых мамаш: чадолюбивая мать прижимает ребенка к сердцу, мы привыкли считать, что самое дорогое — ближе к сердцу. Кроме того, чадолюбивая мать, как говорится, интуитивно ощущает, что ребенок уютнее чувствует себя возле сердца — быстрее успокаивается и засыпает. Это обусловлено тем, что младенец воспринимает ритмику материнского сердца, ставшую привычной для него еще до появления на свет, когда он находился в материнском чреве. Так возник замысел интересного исследования.

---

[1] См.: *Солк Л.* Сердце матери. — Химия и жизнь, 1974, № 1.

Прежде всего Л. Солк показал, что прижатие новорожденного к правой или левой груди не зависит от правшества или левшества. Ведь можно предположить, что у правшей левая рука играет роль опоры, а правая остается более свободной, что позволяет осуществлять ею разные манипуляции; у левшей — все наоборот. Но поскольку правшей, как известно, большинство, то получается, что женщины, естественно, чаще всего прижимают детей к левой груди. Было показано, что эта закономерность не действует: около 78 % матерей — левшей — держали ребенка, вопреки ожиданиям, слева, а 22 % — справа.

Но, может быть, человек склонен любую ношу положить слева, чтобы правая рука осталась свободной? Л. Солк исключил и эту предпосылку. Было решено пронаблюдать поведение взрослых людей, несущих свертки с покупками примерно такого же размера и веса, как новорожденный ребенок. Половина людей несла свертки в левой руке, а половина — в правой. Это объяснили тем, что сверток с покупками не вызывает у человека беспокойства, которое он испытывает, держа на руках ребенка. А что если человека попросить представить, что на руках у него не сверток, а ребенок? Выразится ли это в реакции?

В проверяющем эсперименте женщинам предлагалось подержать у груди небольшую подушку. Выполняя просьбу, женщины не отдавали никакого предпочтения левой стороне, но когда их просили вообразить, что это не подушка, а ребенок, находящийся в опасности, большинство немедленно перекладывало подушку к левой стороне.

Однако некоторые матери вели себя не так, как подсказывала статистика наблюдений. Это были матери, родившие недоношенных детей. Л. Солк экспериментально показал, что это связано с тем, что недоношенных детей сразу после рождения изолируют от матери на долгое время, и это сказывается на отношении матери к ребенку. Разобщенность с ребенком после родов влияет на поведение матери, причем длительность изоляции почти не имеет значения — критический период первые 24 часа после родов. Может быть, это и критический период формирования привязанности, любви матери к ребенку, а также одно из условий появления в семье последующих детей?

Разумеется, данные Л. Солка нельзя абсолютизиро-

вать. Иначе что же получается? Показали отцу или матери ребенка своевременно — полюбят они его, не показали — будут считать чуть ли не чужим. Как оценить те случаи, когда детей берут на воспитание приемные отцы и матери и привязываются к ним и любят не меньше, чем родных? Или как объяснить то обстоятельство, что роды прошли своевременно и благополучно, но мать осталась холодной к своему ребенку.

Нет, конечно, в жизни все сложнее, чем в самом значительном эксперименте. Чувства человека к своему ребенку изменчивы и зависят не только от первых контактов родителя с ребенком. Эти чувства прежде всего воспитываются, закаляются в трудностях, пережитых вместе с детьми, чувства к детям взрослеют вместе с личностью родителей. Но все-таки нельзя сбросить со счетов, что отношение к младенцу на первых порах после его рождения во многом определяется общим психическим настроем женщины.

Известен тип «холодных» матерей, которые не испытывают особого чувства удовлетворения от физического контакта с ребенком, не ощущают его трепетного тепла, особого запаха детского тельца. Такая мама небрежно дает грудь малышу, поскорее запеленает, положит в кроватку и заботится только об одном — побольше бы спал и не плакал.

«Холодность» может быть вынужденной. У женщины грудной ребенок, требующий большой заботы и проявления чувств, но мать занята работой или учебой, решает сложные жизненные проблемы.

Родительские чувства охладевают и в том случае, когда молодые родители рождают ребенка и поскорее отправляют его на попечение бабушки. Бывает и так, что «холодность» возникает как следствие того, что контакты матери с грудным ребенком ограничиваются потому, что у женщины после рождения ребенка нет молока или оно быстро пропало. Здесь-то и получается необратимое: матери, не пережившие волнительных мгновений общения с ребенком в самые ранние периоды его развития, утрачивают особые признаки материнского чувства. В результате снижается вероятность рождения второго ребенка.

Наши исследования показали также важную роль в формировании потребности в детях контактов с братьями и сестрами в родной семье. Те, кто вырос единственным ребенком в семье, нередко демонстрируют негативные и нейтральные установки по отношению к малышам. Отсю-

да можно сделать вывод, что складывающийся тип однодетной городской семьи как бы выбивает основу для формирования чадолюбия у будущих поколений, лишая воспитываемую личность возможности наблюдать развитие малышей, сопереживать их потребностям. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие юноши и девушки, родив собственных детей, чуть ли не впервые близко видят младенца, слышат его плач, сталкиваются с фактами его существования.

В этом плане они не подготовлены к принятию собственного ребенка, часто он вызывает негативную реакцию, особенно у молодых отцов. А если эта реакция подкрепляется негативными суждениями и соответствующими ценностными ориентациями, если воспитание первенца совпало с материально-бытовыми трудностями, то появление в семье второго ребенка маловероятно.

Подведем некоторые итоги. Мы рассмотрели одну, быть может, не главную, но важную психологическую причину ограничения рождаемости в крупном городе — снижение чадолюбия. Эта причина теснейшим образом связана с различными социально-экономическими современными преобразованиями и их психологическими следствиями: объективные предпосылки (прежде всего занятость женщин в общественном производстве, необходимость повышения жизненного уровня и качества человека как личности и работника) повлекли за собой сокращение рождаемости; при возникших обстоятельствах личность получила возможность больше ориентироваться на себя, облегчать свои нагрузки, удовлетворять материальные и духовные потребности за счет ограничения числа детей в семье.

Такая установка, обусловленная объективными предпосылками, выразилась в том, что родительское чувство (чадолюбие) стало концентрироваться на одном-двух детях; но в то же время именно чадолюбие вошло в ряд важных факторов, определяющих число детей в семье и готовность родителей преодолеть известные трудности, возникающие с рождением каждого последующего ребенка; вероятность появления второго, третьего и четвертого ребенка у чадолюбивых родителей выше, чем у менее чадолюбивых, при прочих примерно одинаковых условиях жизни семьи. Как видим, чадолюбие становится существенным фактором, определяющим репродуктивные установки и репродуктивное поведение жителей города, следовательно, необходимо содействовать его формированию и развитию через всю систему опосредствующих факто-

ров — как социально-экономических, так и педагогических, и психологических.

Часто случается так, что, столкнувшись в молодости с жизненными сложностями, отцы и матери концентрируют свою родительскую любовь на единственном ребенке, появление у них второго и третьего ребенка маловероятно, даже если в семью потом приходит материальное благополучие и комфорт. В этой связи нельзя не оценить не только экономический, но и психологический эффект тех мероприятий, которые осуществляются в нашем обществе в плане укрепления благосостояния народа и решения жилищной проблемы.

Однако материальное благополучие и хорошие жилищные условия сами по себе еще не дадут желаемого результата. Воспитывать чадолюбие надо целенаправленно, с детства. Формированию положительных установок растущей личности к маленьким детям может способствовать система специальных мер — создание особых детских игр, пробуждающих симпатии к малышам, посещение родителей с ребенком семейств, где есть малыш, регулярные шефские связи школьников с яслями и детскими садами.

Существенную роль призваны сыграть средства массовой коммуникации, пропагандирующие среднедетную семью, а также родители, проявляющие заботу о подготовке своих детей к материнству и отцовству. Дальнейшее развитие должна получить эстетизация товаров, предназначенных для детей, — одежды, мебели, игрушек. Все, что выпускается промышленностью для детей, должно пробуждать чувство нежности, символизировать чадолюбие. Подобные психологические мероприятия, по нашему мнению, целесообразно включить в комплекс мер демографической политики, активно пропагандировать ее.

Воспитание чадолюбивой личности возможно при условии разумно регулируемых материальных и духовных ее потребностей. Завышенные потребности в этой сфере побуждают человека изыскивать дополнительные резервы для реализации желаний, дети «не выдерживают конкуренции» с такими престижными для современника ценностями, как свободное время, содержательный досуг, высшее образование, комфорт, личная независимость, служебная карьера. При условии завышенных притязаний и еще пока ограниченных возможностей общества для их удовлетворения человек начинает больше любить себя, а не детей.

4 Заказ 7966

А. Б. СИНЕЛЬНИКОВ

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ НУЖНО ИМЕТЬ, ЧТОБЫ НАСЕЛЕНИЕ НЕ СТАЛО УМЕНЬШАТЬСЯ?

Вопрос, поставленный в заглавии данной статьи, неоднократно обсуждался и в научной, и в научно-популярной демографической литературе, и на страницах журналов и газет. Для замещения поколений необходимо, чтобы в среднем на семью приходилось не два ребенка, а больше (разные авторы дают оценки от 2,3 до 2,7 детей). Фактически многие семьи имеют значительно меньшее число детей. Следовательно, численность населения может уменьшаться, а чтобы этого не произошло, государство и общество должны принять определенные меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости. И такие меры действительно были приняты в нашей стране[1]. Одной из причин их принятия явилось обострение проблемы рождаемости вследствие снижения ее уровня.

Тем не менее население всех союзных республик нашей страны, в том числе и РСФСР, УССР, БССР и республик Прибалтики, продолжает увеличиваться. Это происходит за счет превышения числа родившихся над числом умерших — в целом по стране на 0,8 % ежегодно, а в республиках, где рождаемость очень низкая, — от 0,1 до 0,6 %. Встает вопрос: почему же демографы бьют тревогу по поводу угрозы депопуляции, т. е. сокращения населения? Нередко полагают, что двух детей на семью достаточно для воспроизводства населения, а иные считают, что достаточно и одного ребенка.

Прежде чем рассматривать вопрос о том, что такое «депопуляция», следует определить понятие «среднее чис-

[1] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 105—136; Правда, 1981, 6 сент.

ло детей, необходимое для замещения поколений», или, иначе говоря, «критическое число детей».

Этот показатель может трактоваться по-разному. В одних случаях имеются в виду все рожденные женщиной дети, в другом — только оставшиеся в живых; последних будет хотя ненамного, но все-таки меньше, чем первых. Кроме того, категории женщин, для которых определяется среднее число детей, тоже не всегда одинаковы. Иногда имеются в виду все женщины вообще, включая и не состоявших в браке. Нередко понятие «среднее число детей в семье» имеет разное толкование. Ведь семья может быть и неполной, состоящей из одной матери с детьми. Такие семьи есть, и число детей в них существенно меньше среднего числа, приходящегося на полную семью с детьми. Наконец, во многих случаях среднее число детей исчисляется не на 1 женщину, а на 1 мать, т. е. при его расчете бездетные женщины не учитываются.

Чаще всего демографов интересует среднее число рожденных детей на 1 полную семью, закончившую свое формирование. Обычно считается, что возраст жены в такой семье должен превышать 50 лет; но в условиях низкой рождаемости уже в 35—39 лет число детей очень близко к окончательному. Другое ограничение — наличие хотя бы одного рожденного в семье ребенка. Бездетность редко является добровольной, но какая-то часть супругов не может иметь детей по состоянию здоровья.

Рассчитать критическое число детей не так просто, это связано со многими условностями, и самая первая из них, это когда число берется в расчете на 1 женщину. Строго говоря, его можно исчислять и в расчете на 1 мужчину — и это иногда делается. Демограф В. Н. Архангельский установил, что если среднее число детей 1 женщины в СССР принять за 100 %, то число детей 1 мужчины составит 107 %. Эта разница объясняется тем, что мужчины чаще, чем женщины, вступают в брак по нескольку раз и имеют детей от разных браков. Величина разницы зависит от соотношения между числом мужчин и женщин в детородных возрастах. Однако, поскольку в семье чаще живут дети одной матери от разных отцов, чем дети одного отца от разных матерей, в большинстве случаев демографы рассчитывают среднее число детей на 1 женщину и определяют степень замещения женского поколения поколением дочерей.

Мальчиков всегда рождается больше, чем девочек, пропорция близка к 105 на 100, природа предусмотрела

ее, поскольку смертность «сильного пола» выше, чем «слабого», и примерно к 30 годам соотношение полов выравнивается, а в более поздних возрастах мужчин становится меньше, чем женщин[1]. Отсюда следует, что для того, чтобы 100 женщин родили 100 дочерей, общее число рожденных ими детей должно составлять 205. Уже из этого ясно, что двухдетности недостаточно для замещения поколений. При этом имеется в виду наличие у 100 женщин 100 дочерей, доживших до среднего возраста матери при рождении ребенка, т. е. примерно до 27 лет.

Этот возраст может показаться слишком поздним, но здесь имеются в виду все дети, а не только первенцы. Вероятность для новорожденной девочки дожить до 27 лет составляет примерно 0,944, следовательно, критическое число детей в расчете на 100 женщин составляет: 205 : : 0,944 = 217. Однако часть женщин не вступает в брак — к 50 годам остается примерно 5 % никогда не бывших замужем. Значит, критическое число детей в расчете на 100 женщин, когда-либо состоящих в браке, равняется: 217 : 0,95 = 228.

Часть браков заканчивается разводами. По переписи 1979 г. в нашей стране насчитывалось 61 млн. супружеских пар. В том же году было зарегистрировано 2881 тыс. браков и 951 тыс. разводов. Таким образом, в среднем ежегодно распадается около 1,5 % существующих супружеских пар вследствие развода. Эта цифра может показаться небольшой, но поскольку риск развода существует в течение всей супружеской жизни (она продолжается в среднем свыше 30 лет), то за это время распадается из-за разводов свыше 33 % браков. Остальные браки распадаются из-за смерти мужа либо жены.

Наибольший ущерб с точки зрения рождаемости причиняют разводы в первые 10 лет брака, т. е. в период наиболее интенсивного деторождения, и как раз в это время вероятность развода выше, чем в последующие годы. По расчетам демографа Л. Е. Толчинского, среди браков, заключенных в СССР в 1967 г., к 1977 г. 19% закончились разводом[2].

---

[1] Однако «дефицит женихов» возникает не столько из-за повышенной смертности мужчин, сколько потому, что они вступают в брак в среднем на 2—3 года позже женщин: мужчинам труднее жениться до 20 лет, а женщинам — выйти замуж после 25—30 лет.

[2] См.: *Толчинский Л. Е.* Оценка уровня разводимости в СССР.— В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с. 190.

Среднее число детей в распавшихся браках значительно меньше, чем в сохранившихся. Так, по переписи 1979 г. среднее число детей в семьях, состоящих из супружеской пары с детьми, составляло 1,86 (так называемые полные нуклеарные семьи), а в семьях, состоящих из одной матери либо одного отца с детьми, т. е. в неполных нуклеарных семьях, — лишь 1,43 ребенка. Хотя в данном случае имеются в виду лишь дети, живущие в семье, а не все рожденные дети вообще, да и возраст матери здесь не ограничивается, но относительное различие этих двух величин достаточно показательно — в неполных семьях среднее число детей на 23% меньше, чем в полных. При этом из каждых 100 нуклеарных семей с детьми — 20 неполных. В среднем же на 100 всех нуклеарных семей с детьми вообще, полных и неполных, вместе взятых, приходится 177 детей.

Отсюда следует, что если бы неполных семей не было, то среднее число детей во всякой семье вообще было бы равно их числу в полной семье, т. е. 1,86; фактически же оно составляет 1,77, т. е. на 0,09 ребенка, или на 5 %, меньше. Такова степень сокращения рождаемости из-за разводов и овдовений. Здесь имеется в виду сокращение среднего числа детей не на 1 женщину, а на 1 мать; между тем в результате разводов увеличивается также и процент бездетных женщин.

Следует учитывать, что в число так называемых полных семей входят и такие, где женщина состоит в повторном браке. Среднее число детей у этих женщин, по некоторым данным, меньше, чем у состоящих в непрерывном первом браке. Данные выборочного обследования, проведенного в Венгрии, показали, что на 100 женщин 45—49 лет, состоящих в первом браке, приходится 240 детей, а на 100 женщин, состоящих в повторном браке, — лишь 162.

На основе данных выборочного обследования в Ленинграде в повторных браках рождается только 5 % первенцев и 10 % вторых и третьих детей, между тем повторные браки составляют в СССР около 15 % всех браков женщин, а в Ленинграде, вследствие повышенной разводимости, свойственной населению всех больших городов, — значительно больше. Таким образом, полной компенсации сокращения рождаемости из-за распада браков не происходит даже в тех случаях, когда женщины вновь вступают в брак. Большинство же разведенных и овдовевших женщин в новый брак больше не вступает.

В 1980 г. в СССР было зарегистрировано 599 тыс. разводов, в которых возраст жен был моложе 35 лет. В повторный же брак вступило лишь 247 тыс. женщин этого возраста. Таким образом, на 100 разводов даже в молодых возрастах приходится лишь 41 повторный брак женщин. Правда, некоторые женщины выходят замуж вторично и после 35 лет, но в этих случаях компенсация потерь в рождаемости будет незначительна. К тому же уровень компенсации разводов несколько преувеличен, так как в число повторно вышедших замуж входят не только разведенные, но и вдовы, которые в статистических публикациях не выделяются в особую группу.

В среднем за 1978—1979 гг. в СССР родилось 4785 тыс. детей. Наши расчеты показали, что при отсутствии разводов их родилось бы на 360 тыс. больше, при отсутствии овдовений — еще на 60 тыс. больше. Таким образом, разводы и овдовения снижают уровень рождаемости примерно на 8 %. Следовательно, критическое число детей на 100 замужних женщин должно составлять: 228 : 0,92 = 248. Тот же показатель в расчете на 100 женщин, состоящих в непрерывном первом браке, вероятно, будет даже несколько выше.

Наконец, надо иметь в виду, что около 5 % женщин, состоящих в браке более 10 лет, не родят ни одного ребенка. С учетом этого обстоятельства критическое число детей в расчете на 100 замужних матерей составит: 248 : 0,95 = 261. Таким образом, для простого замещения женского поколения необходимо, чтобы в среднем на 1 замужнюю женщину, способную к деторождению, приходилось 2,61 ребенка, которых она родит за всю жизнь. Число же живых детей, достигших 15 лет, у нее будет примерно на 5 % меньше, т. е. 2,48.

Как же обстоит дело в реальной жизни? В 1972 г. ЦСУ СССР опросило 347 тыс. женщин от 18 до 59 лет, проживающих на всей территории нашей страны. Всем им задавался вопрос: «Сколько детей Вы родили?», а замужним женщинам до 44 лет предлагался вопрос: «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего?» Оказалось, что ожидаемое число детей у молодых женщин и фактическое у вышедших из детородного возраста неуклонно уменьшается от поколения к поколению. На 100 женщин, вступивших в первый брак в 1930—1934 гг., оно составило 376, в 1935 —1939 гг. — 321, в 1940—1944 гг. —311, в 1945—1949 гг. — 284. Еще меньше детей у более молодых поколений женщин (здесь к фактическому их числу прибавля-

ется ожидаемое). У вступивших в первый брак в 1950—1954 гг. было 270 детей на 100 женщин, в 1955—1959 гг. — 258.

Почти во всех поколениях женщин, где деторождение прекратилось или почти прекратилось к рассматриваемому периоду, дочернее поколение оказывалось многочисленней материнского. Иначе обстояло дело в тех поколениях, которые на момент опроса еще не завершили деторождение. У женщин, вступивших в брак в 1960—1964 гг. (т. е. в основном конца 30-х — начала 40-х годов рождения), среднее число рожденных и ожидаемых детей, вместе взятых, составило лишь 227 на 100, у вступивших в брак в 1965—1969 гг. (они родились в основном в 40-е годы) — лишь 214 на 100. Наконец, женщины, вступившие в брак в 1970—1972 гг. (они родились в конце 40-х и в начале 50-х годов), ожидали иметь лишь 206 детей на 100, включая уже имеющихся. Последние три показателя значительно меньше критического числа живых детей в расчете на 100 замужних женщин, равного 248.

Таким образом, даже если поколения женщин, вступивших в брак после 1960 г., полностью реализуют свои репродуктивные (т. е. детородные) планы, то поколения их дочерей окажутся значительно меньше материнских по численности. Между тем есть основания предполагать, что фактическое число детей у этих поколений женщин в итоге будет меньше ожидаемого. Женщина не в состоянии предвидеть ухудшение состояния здоровья (своего или мужа), возникновение супружеских конфликтов и появление других препятствий к рождению детей, которых она собирается иметь. Особенно это касается молодых женщин, вступивших в брак в 1970—1972 гг. и к моменту опроса находившихся в семейной жизни от нескольких месяцев до двух лет. Многие из них еще и не имели детей.

Известно, что супруги, только что создавшие семью, часто собираются иметь двух-трех детей, но, столкнувшись с трудностями ухода уже за первым грудным ребенком, меняют свои планы и ограничивают число рождений. Но даже если не считать, что среднее ожидаемое число детей у женщин, вступивших в брак в 1970—1972 гг., более завышенно по сравнению с их фактическим числом в будущем, чем у женщин, вступивших в брак в 60-е годы и в большей степени реализовавших свои семейные планы к моменту опроса, то все же и это завышенное число оказывается меньшим, чем в предыдущих поколениях.

Если в одних поколениях замещение родителей детьми обеспечено, а в других нет, то какой показатель может явиться обобщающим, отражающим замещения всех поколений, вместе взятых? Для ответа на этот важный вопрос демографы рассчитывают так называемые показатели замещения условного поколения, т. е. число родившихся в расчете на 1000 населения за 1 год. Этот показатель очень неточно измеряет уровень рождаемости, поскольку он не характеризует среднее число детей в семье и сильно зависит от структуры населения по полу и возрасту. Если в составе населения много молодежи (что имеет место, например, в районах новостроек), то число родившихся в расчете на 1000 населения там будет относительно высоким, хотя среднее число детей в семье будет очень низким.

Чтобы получить более точные характеристики рождаемости, демографы рассчитывают число родившихся у матерей определенной возрастной группы в расчете на 1000 женщин данного возраста. Так, в среднем за 1979—1980 гг. в СССР (в пересчете на 1 год) число родившихся на 1000 женщин от 15 до 19 лет составляло 40,9, 20—24 лет — 177,3, 25—29 лет — 123,7, 30—34 лет — 68,3, 35—39 лет — 29,8, 40—44 лет — 10,2 и 45—49 лет — 1,5. Итого мы имеем семь так называемых возрастных коэффициентов рождаемости, характеризующих ее уровень у семи различных поколений женщин, находящихся в 1979—1980 гг. в возрасте от 15—19 до 45—49 лет. Чтобы перейти к обобщающему показателю из этих семи *реальных* поколений, составляется одно *условное.*

Идея методики такова. Если на 1000 женщин 15—19 лет ежегодно приходится 40,9 рождения, то за 5 лет пребывания в этом возрастном периоде их будет соответственно в 5 раз больше, т. е. 204,5. Иными словами, к 20 годам каждая пятая женщина в нашей стране уже становится матерью. В следующем возрасте — от 20 до 24 лет включительно — ежегодно рождается 177,3 ребенка на 1000 женщин, а за все эти 5 лет соответственно также в 5 раз больше, т. е. 886,5 ребенка. Прибавив к ним детей, родившихся до 20 лет, мы установим, что на 1000 женщин к 25 годам приходится уже 1091 рожденный ребенок. Такой же расчет продолжается и для последующих возрастов, показатели которых также умножаются на число лет в возрастном интервале, т. е. на 5, и прибавляются к накопленным итогам в предыдущих возрастах. В результате оказывается, что к 50 годам на 1000 женщин при-

ходится примерно 2259 рожденных детей, или 2,26 ребенка, на 1 женщину. Этот показатель называется *коэффициентом суммарной рождаемости.*

В 1979—1980 гг. на 1 женщину он был равен 2,26. Однако этот же коэффициент еще в 1958—1959 гг. составлял 2,81, а в 1969—1970 гг. — 2,39, сейчас же он почти вплотную приблизился к своей критической величине. То небольшое превышение над ней, которое еще существует, объясняется высоким уровнем рождаемости в республиках Средней Азии и в Азербайджанской ССР. Однако и там этот уровень снижается. Так, с 1969—1970 гг. по 1979—1980 гг. в Узбекской ССР коэффициент суммарной рождаемости уменьшился с 5,64 до 4,91, в Киргизской ССР — с 4,85 до 4,13, в Таджикской ССР — с 5,90 до 5,76, в Туркменской ССР — с 5,93 до 5,13, в Азербайджанской ССР — с 4,63 до 3,33 ребенка на 1 женщину.

Что касается РСФСР и других союзных республик европейской части СССР, то там уже в середине 60-х годов коэффициент суммарной рождаемости опустился ниже критического уровня. В 1979—1980 гг. он был равен 1,89 в РСФСР, 1,96 — в УССР, 2,04 — в БССР, 1,88 — в Латвийской ССР, 2,01 — в Литовской и Эстонской ССР. В этих шести союзных республиках, где простое замещение поколений явно не обеспечено, проживает около 80 % всего населения СССР.

Мы уже упоминали о том, что во всех союзных республиках число родившихся превышает число умерших. Чем же это можно объяснить? Здесь необходимо рассмотреть две проблемы. Первая из них — проблема замещения поколения родителей поколением детей, вторая — проблема замещения умерших родившимися. Рожденные в данном году девочки, *как поколение,* должны через 27 лет (когда они сами станут матерями) заменить поколение своих матерей, а мальчики — через 29 лет (когда они станут отцами) — своих отцов. Замещение поколений происходит в возрастном составе населения — родительское поколение превращается в прародительское.

Вторая проблема состоит в том, что рожденные дети замещают умерших в том же году, которые не являются их родителями. Средний возраст отцов и матерей при рождении ребенка составляет около 28 лет, а средняя продолжительность жизни — около 70 лет, т. е. в 2,5 раза больше. Умершие в основном принадлежат к поколению дедов и прадедов, бабушек и прабабушек. Люди из этих поколений в нашей стране вступали в брак еще до войны

и в среднем на одну супружескую пару у них родилось свыше трех детей.

Это значит, что в условиях неполного замещения поколений рост населения может продолжаться в течение времени, близкого к разнице между средней длиной родительского поколения и средней продолжительностью жизни, т. е. максимум 40—45 лет. В течение этого времени на смену родительским поколениям, переходящим в пожилые возраста, будут приходить меньшие по численности поколения детей. Этот процесс означает сокращение в населении доли детей, молодежи, а затем и лиц средних возрастов — до 40 лет. Так, доля населения от 0 до 19 лет в СССР уменьшилась с 44,5 % в 1939 г. до 36 % в 1975 г. Доля группы 20—39 лет также сократилась с 33 до 28,9 %. В то же время доля лиц 40—59 лет возросла с 15,7 до 21,8 %, а доля пожилого населения (от 60 лет и старше) — с 6,8 до 13,3 %, т. е. почти вдвое.

Снижение доли молодежи ведет к уменьшению общего коэффициента рождаемости (даже при неизменном среднем числе детей в семье), а рост доли пожилых — к увеличению общего коэффициента смертности (даже и при неизменной средней продолжительности жизни). В результате этого постепенно уменьшается коэффициент естественного прироста населения. В 1960 г. в СССР он составлял 1,8%, а в 1980 г. — только 0,8%. Сокращение рождаемости приводит к снижению абсолютной численности сперва детей, потом молодежи, потом лиц в средних возрастах, потом населения в целом, т. е. к *депопуляции*. В то же время неблагоприятные структурные сдвиги происходят и внутри трудоспособного населения — в нем растет группа старших возрастов — старше 40 лет (отметим, что наивысшая производительность труда достигается в 35—39 лет, а после 40 лет она уменьшается).

Необходимо отметить и еще один важный фактор. Уровень рождаемости в сельской местности пока еще существенно выше, чем в городах (коэффициент суммарной рождаемости в городах в 1979—1980 гг. был равен 1,86, а в сельской местности — 3,22, т. е. на 73 % выше), но именно из-за этой разницы рост доли горожан в населении страны (с 40 % в 1951 г. до 63 % в 1981 г.) автоматически ведет и будет приводить и дальше к снижению среднего по СССР уровня рождаемости.

Положение усложняется тем, что из сел в города уходят главным образом молодые мужчины и женщины в наиболее активных детородных возрастах — от 18 до

30 лет. По этой причине возрастная структура сельского населения стала очень неблагоприятной для рождаемости, и общий коэффициент рождаемости на селе только на 20 % выше, чем в городе, тогда как суммарный — на 73 %. В сельской местности ряда областей Нечерноземной зоны молодежи осталось так мало, что, несмотря на довольно большие коэффициенты суммарной рождаемости (порядка 2,5) число рождений там меньше числа смертей.

Перспектива депопуляции для страны в целом является довольно отдаленной, и инерционность демографических процессов, где счет надо вести не на годы, а на поколения, до сих пор работала на нас — в силу относительно высокой рождаемости в прошлом депопуляция до сих пор не наступила ни в одной из союзных республик. Однако низкая рождаемость в настоящее время может создать инерционность обратного характера, работающую против будущих поколений. Поэтому, хотя до убыли населения нам еще далеко, меры демографической политики, принятые в нашей стране на основании решений XXVI съезда КПСС, являются чрезвычайно своевременными.

Эти меры, улучшающие жизнь молодых семей, особенно в течение первых полутора лет после рождения ребенка, могут стимулировать более раннее заключение браков и рождение первенцев. Еще важнее данные меры в том отношении, что именно в связи с большими трудностями ухода за первым грудным ребенком очень многие молодые пары отказываются от своего первоначального решения иметь в семье двух детей. Поэтому весьма возможно, что в ближайшие годы может произойти увеличение общих коэффициентов рождаемости за счет первых и вторых рождений. Однако абсолютного ежегодного прироста может и не быть. Дело в том, что в ближайшие годы будет сокращаться численность поколений, вступающих в возраст максимальной интенсивности деторождения — 20—24 года. Это связано со снижением рождаемости в годы войны и как эхо в 60-е годы. Если в 1960 г. в стране родилось 5341 тыс. детей, то в 1965 г. — лишь 4253 тыс., а в 1969 г. — 4087 тыс. Снижение рождаемости в прошлом уже проявилось в уменьшении числа браков, заключенных в 1980 г., — 2724 тыс. против 2881 тыс. в 1979 г.

Но и независимо от влияния таких структурных факторов опыт проведения демографической политики в Венгрии, Чехословакии, ГДР и других европейских социалистических странах, где принимались меры, во многом сход-

ные с принятыми в нашей стране, дали свои положительные результаты. Эти меры привели к временному повышению рождаемости в основном за счет роста числа браков, числа первых и вторых рождений. Семьи, желающие иметь нескольких детей, реагируют на предоставленные им льготы и пособия в течение нескольких лет. Затем показатель рождаемости стабилизируется, но, для того чтобы он вновь не снизился, государство вводит новые льготы.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» (1981 г.) предусматривает поэтапное введение различных мер. Если, например, в 1982—1983 гг. вводится частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 1 года и неоплачиваемый — до 1,5 лет, то в будущем предполагается продлить первый до 1,5 лет, а второй — до 2 лет.

Демографическая политика в нашей стране развивается в различных направлениях. Уже сейчас можно предположить, что в будущем возникнет необходимость во введении дополнительных ежемесячных пособий. С нашей точки зрения, полный успех такой политики, т. е. поддержание в стране такого уровня рождаемости, который обеспечивает по крайней мере простое замещение поколений, возможен при двух условиях. Первое из них состоит в том, чтобы семье, имеющей двух и особенно трех детей, компенсировалось снижение материального уровня, которое неизбежно происходит после новых рождений.

Необходимо также компенсировать затраты времени на домашнее хозяйство и уход за детьми, которые у матери нескольких детей существенно выше, чем у матери одного ребенка. Многое в этом отношении предусмотрено вышеупомянутым постановлением, но большое значение будет иметь развитие всей сферы бытового обслуживания, совершенствование бытовой техники.

Второе условие — существенно усилить потребность семьи в детях, особенно в третьем ребенке. Как мы видели, уже из числа молодоженов двух детей планируют почти все, трех — очень немногие. Опросы, проведенные в Москве, в Латвийской ССР и в других местах, показали, что 60 % женщин, имеющих двух детей, не желают третьего ни при каких условиях, в том числе и при существенной материальной помощи. На данном этапе пути решения этого вопроса пока что не ясны, но надо полагать, что в дальнейшем будет решена и эта проблема.

П. П. ЗВИДРИНЬШ

СТАБИЛЬНОСТЬ БРАКОВ И РОЖДАЕМОСТЬ

Эволюция частоты разводов и уровня рождаемости все в большей мере привлекает внимание и ученых, и широких слоев населения. Объясняется это в значительной мере тем, что направление развития не соответствует желательному: частота разводов увеличивается, а рождаемость имеет тенденцию к снижению.

Обратимся к данным статистики. В 1940 г. в нашей стране родилось 6,1 млн. детей, а за последние годы, несмотря на возросшую общую численность населения, — менее чем 5 млн. детей. За этот период вдвое снизилось среднее число живорожденных в расчете на одну женщину детородного возраста. Число разводов возросло с 206 тыс. в 1940 г. до 360 тыс. в 1965 г. и 930 тыс. в 1980 г. В расчете на 1000 человек населения число разводов за 1950—1980 гг. увеличилось в 9 раз (см. рис. 1).

Характерно, что наибольшей частотой разводов отличаются союзные республики, в которых показатели рождаемости и детности ниже. Так, из данных табл. 1 видно, что коэффициенты рождаемости и разводимости по союзным республикам находятся в обратной связи: чем выше частота разводов, тем ниже рождаемость, и наоборот. Из этой общей закономерности несколько выпадают лишь Армянская и Грузинская ССР, в которых частота разводов очень низка при средних значениях показателей рождаемости, и Таджикская ССР, в которой уровень рождаемости очень высок, а разводимость выше, чем в республиках Закавказья, Узбекской и Туркменской ССР.

Самый низкий показатель рождаемости — в Латвийской ССР, где наиболее высока разводимость. Самый высокий уровень рождаемости в республиках Средней Азии и Азербайджанской ССР. Очевидно, здесь рождаемость высока и потому, что стабильна семья. Ведь численность детей в семье во многом зависит от длительности брака, осо-

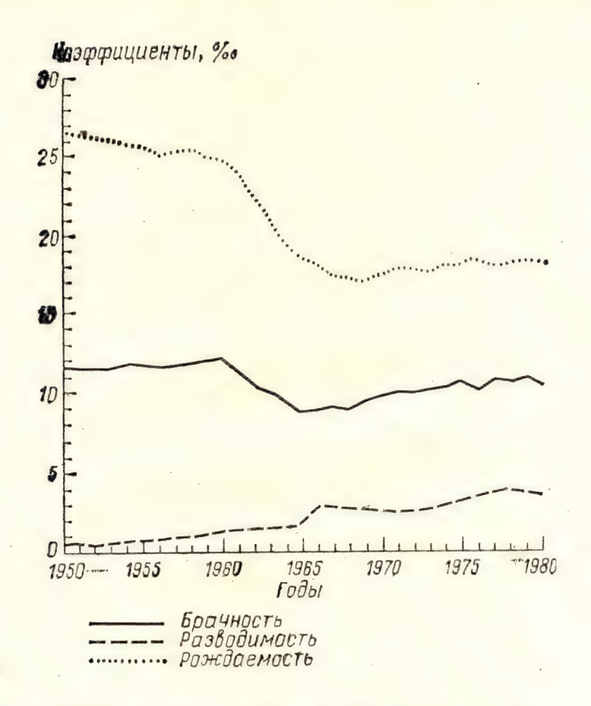

Рис. 1. Динамика коэффициентов брачности, разводимости и рождаемости в СССР за 1950—1980 гг.

бенно при высоких уровнях рождаемости. Например, по данным обследования, проведенного в селах Узбекской ССР в 1978 г., выявлено, что при длительности брака 2—4 года среднее число детей у работающих женщин составило 1,4, у домохозяек — 1,8, а при длительности брака 15—19 лет — соответственно 5,3 и 5,8.

При расторжении брака, как правило, прекращаются брачные отношения на более или менее длительный период, а иногда и на весь последующий период жизни бывших супругов. Разумеется, значительная часть разводящихся повторно вступает в брак. Кроме того, определенная доля детей рождается у женщин, не состоящих в браке, в том числе у ранее разведенных. Поэтому в условиях низкой рождаемости вопрос о взаимосвязи рождаемости и разводимости является весьма актуальным.

Статистические данные свидетельствуют о том, что разводы не полностью компенсируются повторным вступ-

Таблица 1

Показатели рождаемости и разводимости в союзных республиках СССР за 1978—1979 гг.

Союзные республики	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь	Число разводов на 1000 человек населения	Место республики по числу детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь	Место республики по частоте разводов
Таджикская ССР	5,97	1,6	1	6
Туркменская ССР	5,27	1,5	2	4—5
Узбекская ССР	5,10	1,5	3	4—5
Киргизская ССР	4,41	1,9	4	7
Азербайджанская ССР	3,48	1,2	5	2
Казахская ССР	3,03	2,6	6	9
Армянская ССР	2,46	1,1	7	1
Молдавская ССР	2,38	2,0	8	8
Грузинская ССР	2,29	1,3	9	3
Литовская ССР	2,07	3,2	10	11
Белорусская ССР	2,06	3,1	11	10
Эстонская ССР	2,01	4,1	12	13
Украинская ССР	1,96	3,8	13	12
РСФСР	1,90	4,3	14	14
Латвийская ССР	1,86	5,4	15	15

лением в брак, особенно у женщин. Об этом можно судить, сопоставив числа повторных браков и разводов. Например, в Латвийской ССР за 1978—1979 гг. на 1000 разведенных приходилось в среднем 426 повторных браков мужчин и 394 повторных брака женщин (без повторных браков вдовцов и вдов). Аналогичное положение отмечалось и в других союзных республиках, например на Украине. Следовательно, можно утверждать, что повторно в брак вступает менее половины разведенных, причем в повторный брак чаще вступают мужчины, чем женщины. Это в основном связано с тем, что дети после развода остаются у женщин, которым труднее повторно вступить в брак и образовать новую семью. Из большей части разведенных женщин с детьми, желающих вступить в повторный брак, только 10—25% вступают в повторные браки.

Тем не менее обращает на себя внимание высокий процент женщин, выступающих инициаторами разводов. Можно даже утверждать, что сегодня главный инициатор развода — женщина. Причем такое явление отмечается не

только в нашей стране, но и в других социалистических странах. Так, в ГДР и ЧССР около $^{2}/_{3}$ всех заявлений на развод поступает от женщин. Исследование, проведенное в Ленинграде в начале 70-х годов, показало, что по просьбе женщин возбуждается 65—69% всех дел о разводе. В Риге в 1977 г. женщины в 70% были инициаторами развода, а в возрасте до 25 лет — даже в 85% случаев. При этом можно отметить сравнительно устойчивый, высокий процент браков, распадающихся по вине мужчин, в том числе по аморальным причинам (пьянство, грубость к членам семьи и т. п.). Определенная часть мужчин еще не имеет необходимой нравственно-психологической опоры в соответствии с нынешним положением женщин. Неспособность этих мужчин перестроиться на новые основы семейной жизни является, по нашему мнению, одной из причин дестабилизации семьи, что оказывает влияние и на рождаемость.

Одновременно следует указать, что в отношениях мужчин и женщин нередко встречаются случаи искаженного восприятия женщинами их роли в семье, ущемления прав мужей, что, как отмечает Г. Наан, уже не просто эмансипация, а налицо и элементы «эмансипационного экстремизма»[1], злоупотребления свободой личности. Социолог Н. Соловьев из Литвы отмечает, что пока еще не все правильно понимают свободу в брачных отношениях и не все умеют разумно пользоваться ею, так как нередко злоупотребляют свободой. Он приводит данные о том, что 19,5% разведенных мужчин и 8,5% разведенных женщин при возможности желали бы вернуться в прежнюю семью[2].

Опыт работы судов свидетельствует , что отложение дел для примирения супругов дает определенные положительные результаты. Так, например, в 1977 г. в Латвийской ССР 1775 бракоразводных дел, или 14,5% общей численности рассмотренных, было прекращено в связи с примирением сторон. Таким образом, не вызывает сомнения, что во многих случаях развод, скорее, зло, чем благо, и что определенную часть сгоряча распавшихся пар можно и нужно было бы сохранить. А это в свою очередь может способствовать росту уровня рождаемости в регионах, где она низкая.

---

[1] См.: *Наан Г.* Эмансипация, патриархат и «война полов». — Литературное обозрение, 1977, № 9, с. 58.

[2] См.: *Соловьев Н.* Развод. Почему? — В кн.: Культура семейных отношений. М., 1980, с. 72.

У супругов, расторгающих брак, число детей, как правило, не велико. В Латвийской ССР в 1979 г. 40% разведенных вообще не имели детей в возрасте до 18 лет. У 71% из числа имевших детей был один ребенок и только у 4% — 3 и более ребенка. Так как 9 из каждых 10 расторгаемых браков — это такие, в которых возраст женщин не превышает 45—49 лет, то следует заключить, что нестабильность браков способствует формированию более низкого уровня рождаемости. Аналогичный вывод был сделан и большинством других исследователей как в нашей стране, так и за рубежом.

Нам известны лишь отдельные исследования, установившие прямую связь между числом браков у женщин и детностью в Латинской Америке (Барбадос, Эквадор, Венесуэла и др.). В начале 70-х годов в Венгрии высказывалось мнение о том, что повторные браки оказывают уравновешивающее влияние на рождаемость, т. е. разводы якобы в условиях низкой рождаемости и достаточно высокого уровня повторной брачности не оказывают отрицательного влияния на уровень рождаемости. Причем это происходит в основном за счет повторных браков контингента бездетных женщин, в том числе из-за бесплодия первого брака.

Исследования, проведенные в различных странах, свидетельствуют о том, что везде встречаются случаи развода по причине неудовлетворенного желания иметь своего ребенка или иметь несколько детей. Во многих странах не менее 10% брачных пар не имеют детей, причем в основном из-за бесплодия. По данным нашего обследования, проведенного в Латвийской ССР во второй половине 60-х годов, первичное бесплодие имелось в 5,5% браках, а после 8 лет брачной жизни, с учетом наступления бесплодности во время брака, доля бесплодных достигла 13,6%.

В некоторых случаях желание одного или обоих супругов иметь ребенка в бесплодном браке удовлетворяется усыновлением ребенка из детских домов. Но в ряде случаев бесплодие является основной причиной распада брака. При опросе разведенных в Украинской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР было выявлено, что из общего числа расторгнутых браков несколько процентов распались из-за отсутствия детей вообще или наступившего бесплодия, а также тяжелой болезни одного из супругов, не позволяющей иметь детей.

5 Заказ 7966

Рассматривая связь между разводимостью и рождаемостью, нельзя игнорировать и косвенное влияние нестабильности браков на рождаемость. Высокая частота распада браков, во-первых, психологически влияет на молодых, удерживая некоторых от вступления в брак. Во-вторых, имеющее некоторое распространение «мода» на развод сказывается и на брачно-семейных отношениях супругов. В условиях неустойчивости семьи, потенциальной возможности ее распада формируется также особый климат супружеских отношений, и многие супруги не спешат обзавестись детьми, так как в случае развода бездетным или малодетным легче вступить в новый брак, меньше размеры алиментов, наконец, менее значительна и моральная ответственность за свои поступки. Общеизвестно, что к разводам более склонны супруги, у которых детей нет или имеется один ребенок. Частично и поэтому в странах и регионах, где высока частота разводов, уровень рождаемости низкий.

Опросы замужних женщин Латвийской ССР о причинах интенсивного ограничения рождаемости показали, что не так уж редко женщины ссылались на семейные неполадки. Причем наиболее часто это происходило в городах. Характерно также, что наиболее часто женщины на эту причину ссылались при наличии в семье одного ребенка или же при отсутствии их вообще. Аналогичный факт нами был выявлен также при изучении мотивов абортов в 1969 г. Каждая десятая замужняя бездетная женщина объясняла прерывание беременности семейными неполадками и лишь 2% женщин этот же повод назвали при наличии в семье уже двух и более детей.

Нам неизвестно ни одного исключения, говорящего о высокой рождаемости при высокой неустойчивости браков. Можно утверждать, что высокий уровень разводимости влияет на рождаемость в сторону ее понижения. С другой стороны, низкий уровень рождаемости на данном этапе исторического развития способствует установлению более высокого уровня разводимости. Следовательно, рождаемость и разводимость — два процесса, взаимно влияющие друг на друга, и трудно определить, чья роль является определяющей. Несомненно, однако, что как сложившийся уровень рождаемости, так и уровень разводимости являются следствием более общих причин (роста трудовой активности женщин, увеличения требований современного человека к тому, какой он хочет видеть свою семью и т. д.). Разумеется, с возрастанием частоты раз-

водов возникает также ряд проблем качественной стороны воспроизводства населения. Общеизвестно, что в большинстве случаев предшествующая разводу семейная ссора и сам развод неблагоприятно отражается как на состоянии большинства бывших супругов, так и на детях.

Специальные исследования, проведенные в различных районах страны, неопровержимо подтверждают прямую связь между конфликтностью внутрисемейных отношений и поведением детей. В неблагополучных семьях, особенно при конфликтных отношениях между родителями, происходит «дробление» родительского авторитета, снижение воспитательного потенциала семьи и уменьшение ее способности управлять развитием ребенка, предотвращать отклонения от нормального его развития.

Различные социологические исследования указывают на то, что среди «трудных» детей подавляющая часть воспитывалась в семьях, в которых царила нездоровая моральная атмосфера, причем в большой части из них шла война по поводу того, «на чьей стороне ребенок», или вообще он воспитывался в семье без отца (иногда и без матери). Особенно много так называемых неполных семей в республиках Прибалтики, где высока частота разводов.

Разумеется, реакция детей на семейные ссоры и развод может быть очень различной и во многом зависит от возраста ребенка, семейных обстоятельств и т. п., но нередко уход одного из родителей, а впоследствии и приход в семью нового «папы» или «мамы» воспринимается детьми как трагедия. Все, что мы знаем о воспитании детей, их состоянии здоровья, психологическом настрое, успеваемости, в неполных семьях говорит о неблагоприятных последствиях разводов.

К сожалению, наши ученые еще недостаточно внимания уделяют изучению проблем воспитания детей в разведенных семьях. Важные данные были получены в результате исследования разведенных женщин и мужчин с детьми в Словакии в 1977—1978 гг. Там было выявлено, что в 85% неполных семей разведенных женщин с детьми до 15 лет возникает неблагоприятная воспитательная среда, которая создает угрозу для нормального развития личности ребенка и действует как стрессовая ситуация на обоих бывших супругов. Если детей воспитывали только отцы, то дети заметно чаще вынуждены посещать школы для отстающих и вообще их успеваемость заметно ниже среднего.

Конечно, при разводах подчас имеются и такие случаи, когда развод ребенком воспринимается как избавление от зла и не травмирует его. В упомянутом обследовании в Словакии установлено, что только в каждой десятой семье сохранилась относительно спокойная семейная атмосфера.

Семья, как и общество, идет по пути прогресса. Социалистическое общество, по сравнению с капиталистическим, создает условия для более полного развития личности, устраняет подчиненное положение женщины в браке, способствует возрастанию роли женщины в экономической и семейной жизни. Но это иногда влечет за собой и определенные отрицательные последствия, что особенно проявляется в росте частоты разводов и снижении рождаемости. Разумеется, тенденция снижения рождаемости представляет собой исторический переход к массовому внутрисемейному регулированию рождаемости. Но нежелательным является то, что процесс снижения числа детей в семье в ряде регионов страны продвинулся слишком далеко и преобладающей стала семья с 1—2 детьми.

Будущая семья — это семья не многодетная, а в основном малодетная и среднедетная. И тем не менее в перспективе можно надеяться на определенный спад частоты разводов и некоторый подъем рождаемости в районах с очень широким распространением малодетности. Такой вывод основан на решениях XXVI съезда КПСС о необходимости разработки эффективной демографической политики в нашей стране. На наш взгляд, все демографические процессы поддаются определенному регулированию их со стороны общества. Реализация ряда специальных мер по укреплению семейных отношений должна привести к становлению фактического равенства супругов и снижению внутрисемейных противоречий и конфликтов.

Особую роль в управлении брачно-семейными отношениями должна сыграть специальная система подготовки молодого поколения к браку и семейной жизни (введение специальных курсов в учебные программы учебных заведений, создание лекториев для вступающих в брак и др.). Очевидно, целесообразно создать специальные республиканские службы брака и семьи, в компетенцию которых входило бы оказание помощи в подборе брачного партнера, смягчение семейных конфликтов, разработка методического руководства для подготовки молодежи к семейной жизни. Подобные службы, по нашему мнению,

помогут сократить число разводов и увеличить число счастливых браков. Определенный опыт такой работы уже имеется в ряде союзных республик страны. По-видимому, следует повышать и престиж брака в общественном мнении, более широко пропагандировать здоровые идеалы советской семьи. Больше внимания следует уделять улучшению жилищных условий молодоженов.

Ряд мер по поощрению рождаемости и материальной поддержке семей, имеющих детей, предусмотрен постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» (январь 1981 г.). Учитывая дифференциацию уровней рождаемости и разводимости в отдельных районах страны, необходим и дифференцированный подход к решению возникших демографических проблем. Ряд мер по укреплению брачно-семейных отношений и поощрению рождаемости может иметь локальное значение.

Наконец, нужна серьезная научная разработка проблем брака и семьи, при этом, по нашему мнению, следует обратить особое внимание на нравственно-психологическую совместимость брачных партнеров. «Здоровье» семьи стоит того, чтобы о нем заботиться больше, чем мы делали это до сих пор. И можно надеяться, что это приведет к снижению частоты разводов и установлению рождаемости на желательном для общества уровне.

А. И. АНТОНОВ

СНИЖАЕТСЯ ЛИ ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ?

Ценность детей не вызывает сомнений. Для общества, семьи и взрослого человека она самоочевидна. Но в социальной демографии и социологии семьи эта ценность тщательно исследуется и измеряется с помощью опросов населения и специальных тестов. Однако эта научная дотошность иногда вызывает недоумение — «а зачем?». Что может быть привычнее и обыденней семьи и детей, ими полна повседневная жизнь, ведь это исконные атрибуты человеческого бытия и что тут еще надо изучать?

У тех, кто знаком с литературой по демографии, может возникнуть дополнительный аргумент — «коли нам не грозит «демографический взрыв» (в связи со снижением рождаемости), то к чему вообще выдумывать несуществующие проблемы?» И действительно, какой практический смысл в исследовании ценности детей и рождения детей в семье? Ясно, что эта ценность высокая — а как же иначе? Всем известно, что дети — это «цветы жизни», наша радость, счастье и смысл бытия.

Однако социальная демография не может довольствоваться представлениями о ценности детей вообще. Как только возникает специальный интерес к чему-либо, сразу же обнаруживается недостаточность житейской мудрости. Специфически демографический подход связан с выяснением не ценности детей вообще, а определенного числа детей в семье для самих родителей. Какова ценность 5—4 детей в семье, 3 или 1 — вот тот угол зрения,[1] который характерен для социальных демографов. При этом возникает чисто техническая проблема — а как измерять ценность того или иного числа детей в семье. И если удается создать такой измеритель, то полученные с его помощью данные могут обнаружить неожиданности, скрывавшиеся за очевидностью.

Для измерения ценности детей социальные демографы обратились к методам социальной психологии. На основе специальной техники каждым из опрашиваемых производилась психологическая оценка различных чисел детей в семье, и затем эти числа сопоставлялись с эталоном положительного отношения к детям.

Выяснилось, что показатель «дети» ближе всего по значимости к «одному ребенку» и «двоим детям в семье». За само собой разумеющейся высокой ценностью детей, за очевидным благоприятным отношением к детям вообще скрывается лишь благоприятное отношение к 1—2 детям в семье. В демографическом отношении это означает желание иметь всего 1—2 детей, т. е. низкую потребность в детях.

Последующие исследования подтвердили первоначальные данные. Опрос 212 семей в 1976 г. в Вильнюсе (424 человека) показал, что для мужей и жен, состоящих более 12 лет в браке и имеющих в среднем 1,61 детей на семью, наибольшую ценность представляют «2 детей в семье», причем оценка «4 детей в семье» в 2 раза меньше самой негативной оценки, относящейся к «0 детей в семье», и примерно в 3,5 раза ниже оценки двухдетной семьи. Любопытно, что оценки мужей в среднем выше оценок жен по всем числам детей от 0 до 4 детей в семье.

Опрос 260 женщин с детьми в Москве в 1976 г. показал, что за ценностью детей скрывается ценность прежде всего 2 детей в семье, затем 1 ребенка, потом 3 и 4 детей в семье. Эта иерархия ценностей наблюдается и среди бездетных молодоженов, и среди однодетных, двухдетных и трехдетных супругов. Однако среди двухдетных женщин оценка двудетности самая высокая, однодетности — среди однодетных и трехдетности — среди трехдетных[1].

Опрос 1319 двухдетных москвичек в возрасте до 35 лет (среди которых лишь около 3 % испытывают действительную потребность в третьем ребенке) выявил, что за высокой значимостью «детей» следует прежде всего видеть ценность двоих детей в семье. При этом ценность трех детей оказалась в 5 раз ниже ценности двоих детей, что объясняет малочисленность трехдетной семьи в Москве.

По переписи населения 1970 г. в столице семьи с 3 и более детьми составляли менее 3 %, двухдетные — при-

[1] См.: *Антонов А. И.* Социология рождаемости. М., 1980, с. 124, 166.

мерно 27 %, однодетные — 53 %, а 17 % — бездетные. В других городах-миллионерах страны — аналогичная картина. В целом в городском населении СССР доля трехдетных и более семей составляет примерно 15 %, а доля однодетных — 31 %. Преобладают двухдетные семьи (45 %), тогда как бездетных семей в городском населении СССР остается после 15—20 лет брака около 7 %[1].

Эти цифры говорят о широком распространении малодетности в городах[2]. До измерения ценности детей нередко считалось, что семья с большим числом детей ценится выше всего, и, значит, люди всегда якобы хотят иметь много детей. Сокращение рождаемости и преобладание одно- и двухдетных семей поставило под сомнение это суждение. Но, может быть, все же люди хотят иметь много детей, однако условия жизни мешают реализовать эту потребность? Такая точка зрения опровергается исследованиями, в которых выявлено наиболее благоприятное отношение к 1—2 детям в семье. Опросы населения об ожидаемом за всю супружескую жизнь числе детей в семье говорят о том, что среди горожан среднее ожидаемое число составляет около 2 детей, а в городах-миллионерах и того меньше. В Москве, например, эта величина в среднем равняется 1,7 ребенка, а фактическое число детей в семье составляет еще меньше — 1,5 ребенка.

Оценивая выше всего двухдетные семьи, горожане стремятся реализовать эту признаваемую ими ценность. Поэтому так мало в городах семей с тремя и более детьми. Наивысшая ценность отводится двум детям, и поэтому объяснимо преобладание двухдетных семей над всеми прочими.

Социально-демографические исследования показали, что люди в основном имеют столько детей, сколько хотят иметь. Тщательные измерения ценности детей свидетельствуют о том, что у населения нет ориентации на трех и более детей в семье. Люди имеют то число детей, которое у них есть не потому, что так сложились условия жизни, не потому что они хотели иметь больше, а обстоятельства препятствовали этому. Если говорить о поведении миллионов мужчин и женщин (а не отдельных

---

[1] См.: Молодая семья (Народонаселение; Вып. 18). М., 1977, с. 15.

[2] Вполне понятно, что за этими средними данными скрыты значительные территориальные различия. Особенно велики отклонения от общей тенденции в республиках Средней Азии.

индивидов), то численность детей в семье устанавливается не игрой случая, не стечением обстоятельств, не цепочкой помех к их желаниям, а в результате целенаправленного поведения, удовлетворения своих потребностей, в том числе и потребности в одном-двух детях.

В крупных городах перевес доли однодетных семей над двухдетными следует объяснять двумя причинами. Во-первых, усилением ценности одного-единственного ребенка в семье. Исследования, проведенные в Москве в 1976 г. Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, позволяют предположить, что примерно $^1/_5$ часть всех однодетных московских семей испытывает потребность лишь в одном ребенке, и, удовлетворив ее, делает все для предотвращения рождения следующего. Во-вторых, усилением внесемейных ценностных ориентаций личности, и прежде всего женщин. Реализация потребности в профессиональной и общественной активности означает, что женщина уже не может посвятить себя исключительно материнству, дому и семье. В этих условиях установки на двоих детей в семье, имевшиеся при заключении брака, реализуются не сразу, а спустя некоторое время, причем действительные трудности содержания и воспитания первенца абсолютизируются, возводятся в ранг непреодолимых препятствий. Одновременно внимание супругов акцентируется на повышение материального уровня жизни семьи и тем самым на создание якобы лучших возможностей воспитания единственного ребенка.

Еще одна психологическая особенность супругов, провозглашающих желание иметь больше детей, чем уже есть, и не реализующих его, заключается в своеобразном самообмане. К числу помех, якобы вынуждающих ограничиться меньшим числом детей, чем хотелось бы, причисляются и такие, которые лишь по видимости носят характер внешних, не зависящих от воли личности обстоятельств. Такова, например, ссылка на отсутствие свободного времени. Известно, что времени чаще всего не хватает на то, чем не желает человек заниматься в первую очередь. И это время всегда находится (даже при большой загруженности делами) на то, к чему влечет и тянет. При высокой активизации на внесемейные ценности, разумеется, на домашние дела и детей времени может не хватать. Чтобы исключить это, нужно изменить структуру ценностных ориентаций. Однако для личности подобная переориентация почти неосуществима, если в общественном мнении престиж семьи, многодетности не высок.

В исследовании «Москва-1978» была применена простая процедура для демонстрации всей иллюзорности ссылок на лжепомехи. Все опрошенные женщины с двумя детьми были распределены по степени удовлетворения их потребности в детях на несколько групп. Ожидалось, что только среди тех 3%, кто действительно испытывает потребность в третьем ребенке, но пока не имеет его, можно выявить подлинные помехи к рождению третьего ребенка в семье.

Что же действительно мешает реализовать имеющуюся потребность в трех детях? Возраст, состояние здоровья и семейные неполадки — вот три главных препятствия для женщин, желающих иметь третьего. Практический вывод из этих ответов таков — при улучшении здоровья и семейных взаимоотношений вероятность реализации потребности в третьем ребенке повышается. А как ответили на вопрос: «Что лично Вам мешает осуществить намерение иметь троих детей в семье?» — те женщины, которые, как показало тестирование, на самом деле не имеют потребности в третьем ребенке?

Структура ответов здесь совершенно иная и «помехи» в основном носят материальный характер. Это материальные трудности, не на кого оставить детей и жилищные условия. Ссылки на материальные и жилищные трудности не раскрывают действительных препятствий к рождению третьего ребенка, так как основное препятствие — в самом отсутствии потребности в нем. Но эти ссылки выглядят достаточно правдоподобно и убедительно из-за очевидной «истинности» этого мнения. На самом деле ответы говорят о препятствиях к желаемому семейному благополучию, о трудностях, которые вообще мешают жить двухдетным семьям. А логика тут проста: если убрать трудности, тогда детей будет, дескать, сколько угодно.

Научные исследования раскрывают нелогичность подобного мнения — устранение трудностей улучшает условия жизни семьи и способствует более полной реализации имеющегося уровня потребности в детях, но не увеличивает саму потребность в детях. Чтобы основная масса населения стала испытывать потребность в трех детях, а не в двух, недостаточно улучшения микроусловий жизни семьи — кроме этого, требуются меры по укреплению института семьи в обществе, по укреплению положения прежде всего среднедетной семьи (с 3—4 детьми). Это означает также и необходимость повышения ценности

среднедетной семьи, престижа матери и отца в ней, ценности детей и ребенка в конечном счете.

В крупных городах преобладание однодетных семей сводит ценность детей до ценности одного-единственного ребенка. Это обстоятельство создает иллюзию повышения ценности ребенка и детей вообще. Представители «малодетного образа мыслей» не всегда соглашаются с тем, что концентрация внимания на малодетности есть свидетельство снижения ценности нескольких детей и тем самым ценности детей (дети — это множественное понятие). Отсюда в ходу суждения о высокой ценности детей в наше время.

Малодетный образ мыслей нельзя понять, если не разобраться в причинах уменьшения ценности детей, в причинах широкого распространения внесемейных ценностных ориентаций, в причинах появления самой малодетной «мудрости», провозглашающей, что «лучше меньше, но лучше». Разговор об этих причинах связан с распутыванием клубка, где нить фактов и факторов тянется из глубины веков.

Рассматривая уменьшение ценности детей в исторической перспективе, надо вначале выяснить, что вызвало первоначальную высокую их ценность.

На ранних ступенях исторического развития общества ведущее место отводилось ценностям, связанным с воспроизводством населения, поскольку тяжелые условия существования вели к высокой общей и детской смертности, к тому, что жизнь рода постоянно оказывалась под угрозой вымирания. Вся жизнь рода была подчинена интересам самосохранения, и потому известные в то время средства предупреждения беременности находились под строжайшим запретом. Нарушение запрета осуждалось общественным мнением, наказывалось. Одновременно материнство и родительство приобретали огромную значимость, тогда как бесплодие сурово осуждалось и даже каралось. К тому же в первобытном обществе запрет на применение контрацепции сопровождался запретом на сексуальные отношения в течение многих месяцев.

В доклассовом обществе понятия детства как такового не существовало, детство было преддверием взрослости. Достижение половой зрелости знаменовало переход к взрослому положению и сопровождалось процедурой посвящения во взрослые.

С переходом к рабовладельчеству и феодализму высокая ценность деторождения и детей сохранялась ввиду

низкой продолжительности жизни и в связи с по-прежнему высокой смертностью. Высокая вероятность смерти ребенка способствовала сохранению потребности в большом числе детей, так как лишь этот уровень потребности мог противостоять чрезвычайно низкой выживаемости детей. Именно это делало излишним применение средств контрацепции, а не отсутствие знаний и умений по предотвращению и прерыванию беременности.

В то время социальная роль ребенка сильно отличалась от современной, где ребенок ценится не только как будущий взрослый, но и как ребенок, как особое социальное существо, отличающееся от мира взрослых. Понятие детства в прошлом связывалось с понятием взросления, с ожиданием их скорейшего взросления. Поэтому в средние века было распространено представление о ребенке как «невзрослом взрослом», даже одежда детей копировала платье взрослых, изображения детей на живописных полотнах являлись, как выяснил авторитетный историк-демограф Ф. Ариес, уменьшенными копиями взрослых. В этой социальной роли ребенка большое место занимали обязанности детей по дому и в семье. И было бы неверно считать исходя из иной, чем сейчас, роли ребенка в семье и обществе, что в прошлом ценность детей была ниже теперешней.

Как в период средневековья, так и в более ранний период общественному интересу к воспроизводству населения и высокой рождаемости соответствует личная ориентированность членов общества на семью и детей. Семья и дети образуют центр всей жизнедеятельности личности, который подобно магниту стягивает все устремления и действия воедино. Иначе и не могло быть, ибо в рабовладельческом и особенно феодальном обществе семья расширенного типа (где взрослые дети обзаводятся собственными детьми, но остаются в родительской семье) являлась основной экономической ячейкой. Семья как производственное объединение, как микросреда первичного человеческого общения, место труда и отдыха, праздников и будней вступает в многообразные отношения с представителями государства и общества. Каждый отдельный человек в основном только через семью был связан с другими социальными институтами и организациями.

Поэтому одним из самых значительных наказаний в прошлом было отлучение от семьи. Высокий престиж семейно-родственных связей, укрепляемый производственно-экономическими интересами семьи, формировал у подрас-

тающих поколений мощные ценностные ориентации на семью и рождение детей. О силе их можно судить по тому, что, распространяясь в массах населения и передаваясь из поколения в поколение, эти ориентации на многодетную семью становились традициями и обычаями народов. Войдя же составной частью в быт и уклад жизни народа, нормы многодетности приобретали такую устойчивость, которая обеспечивала существование этих норм в течение длительного времени уже в новых социально-экономических условиях, расшатывающих эти нормы. Сохранение норм многодетности и в XX в. подтверждает жизнеспособность и живучесть высоких норм рождаемости, их инерционность.

Вплоть до XVIII в. в Европе благодаря прочности экономико-производственных основ семьи высокая ценность детей поддерживалась экономичеекой и социальной полезностью детей в семье. Дети с малых лет помогали по хозяйству, а вырастая, служили материальной опорой в старости. Все это оказывалось мощным стимулом к рождению детей.

Начиная с позднего средневековья с развитием капиталистических отношений радикально меняется положение семьи — она перестает быть производственным объединением и превращается в хозяйственно-потребительскую ячейку. Члены семьи ориентируются на капиталистическое предприятие, где добывают средства существования (минуя, так сказать, семью) через индивидуальную заработную плату. Ряд социальных институтов начинает выполнять функции по воспитанию и образованию детей, эти функции из семьи все более переходят к специализированным организациям. Городской образ жизни способствует тому, что индивид начинает ощущать преимущества своего участия во внесемейных институтах, начинает ориентироваться в большей степени на личный успех и на личные достижения, чем на укрепление своей семьи.

Этот процесс автономизации личности от семьи коренным образом преобразует систему ценностей. Перевес внесемейных ориентаций личности над семейными, внедетных ценностей над ценностью детей, характеризует процесс ослабления потребности в детях. Многодетность перестает быть экономически и социально выгодной для родителей, что начинает сказываться на переоценке многодетности, на снижении ее значимости.

Так в общих чертах происходило изменение положения семьи в обществе и обусловленного этим уменьшения цен-

ности многодетности, сокращения в конечном счете рождаемости. Сокращение рождаемости начинается с конца XVIII в. и продолжается до сих пор. Отмирание многодетности постепенно охватывает все страны мира, можно сказать, что многодетная семья в качестве основного типа семьи сходит с исторической сцены. В этих условиях для предотвращения депопуляции, вымирания населения многодетная семья оказывается излишней и избыточной. Для слегка расширенного воспроизводства населения достаточно иметь в семье 3—4 детей. Стихийный процесс отмирания многодетности вызывает тревогу лишь тогда, когда ценность детей редуцируется до 1—2 и когда начинает преобладать малодетность.

Результаты социолого-демографических исследований показывают, что в современных условиях рождение детей происходит вопреки всякой экономической выгоде и диктуется в основном желанием иметь малыша. Каждый очередной ребенок в семье увеличивает расходы семьи и уменьшает душевой доход. Родители теперь не связывают свое личное положение в будущем, в старости, с достижениями и успехами своих детей. На вопрос о том, сколько надо иметь детей в семье, чтобы старость была обеспеченной, средняя цифра среди двухдетных москвичек равнялась 0,84 ребенка, при этом 65 % женщин считали, что число детей вообще не имеет значения.

Никакое материальное стимулирование третьего ребенка не принесет успеха, если нет потребности в нем, если иерархия мотивов рождения останется без изменения. Сегодня материальные стимулы (без усиления ценности 3—4 детей) способны лишь создать благоприятную психологическую атмосферу для более полной реализации потребности в двух детях. Поэтому главной задачей оказывается укрепление положения среднедетной семьи в обществе, создание разнообразных социально-психологических льгот для среднедетных супругов на прочной основе материального благосостояния. Что и как надо делать при этом, какие конкретные меры осуществлять — это помогут выяснить углубленные исследования ценности детей, ценностно-мотивационных сторон рождения детей, социально-психологических моментов рождаемости.

Сложность и трудность встающих перед наукой задач по управлению процессом формирования потребности в детях сейчас нельзя оценить в полной мере, но в принципе они разрешимы. Ждать легкого решения этого вопроса не приходится. Слишком неожиданным и беспрецедентным

оказалось снижение ценности детей, слишком быстрым и массовым... В связи с этим уместно вспомнить «Крейцерову сонату» Льва Толстого. В конце XIX столетия ее герой (представленный Л. Н. Толстым ярым мальтузианцем) призывал сограждан к полному отказу от деторождения во имя достижения «золотого века» на Земле. Сплошная бездетность объявлялась им средством достижения «рая» для последнего из живущих поколений, для последних из могикан. Большинству читателей это казалось чем-то диким и невероятным. И мало кому приходило в голову, что этот «рай» достижим и без добровольной бездетности.

Массовое распространение однодетной семьи ведет к стремительному сокращению численности населения. Это реальная перспектива, и недостаточно сказать, что «этого не может быть». Видимо, будут найдены закономерности формирования и изменения ценности детей. Ведь только это позволит разработать эффективные средства воздействия на рождаемость, эффективную демографическую политику.

И. П. КАТКОВА

РОЖДАЕМОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Распространение процесса регулирования рождаемости в значительной степени связано с уровнем и темпами урбанизации различных районов страны, с повышением которого интенсивнее снижается рождаемость. Быстрое развитие промышленности и социалистическая реконструкция сельского хозяйства оказали влияние на рост крупных городов и городских поселений. Однако современный этап процесса урбанизации характерен не только ростом городов и повышением их роли в жизни страны, но и стиранием различий между городом и деревней, приводящим к распространению городского образа жизни и соответствующего репродуктивного поведения и среди сельских жителей. Поэтому причины, обусловливающие малодетность в городах, определяют возможные тенденции уровня рождаемости в нашей стране по мере дальнейшего развития урбанизации.

Основываясь на опыте изучения когорты молодых семей в Москве в 1965—1968 гг., нами в 1969 г. на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения I Московского медицинского института им. И. М. Сеченова была разработана новая комплексная программа медико-социального изучения с целью обоснования демографической политики в области рождаемости с учетом задач охраны материнства и детства. Объектом изучения явилась молодая семья, роль которой в воспроизводстве населения согласно принятой нами гипотезе по мере дальнейшего распространения процесса регулирования рождаемости будет возрастать.

Выбранная для исследования единица наблюдения обеспечивает качественную однородность всей совокупности по шести демографическим признакам: единый год вступления в брак; для обоих супругов это первый брак; оба супруга не старше 29 лет на момент вступления в

брак; состоят в браке не менее 5 лет; постоянство местожительства (город, район); супруги одной национальности.

Основными вопросами, на которые было нацелено обследование, явились: выявление времени достижения семьями желаемого размера; сопоставление желаемого и фактического срока рождения первого и второго ребенка; установление интервалов между вступлением в брак и рождением первенца (протогенетических интервалов), а также интервалов между рождениями детей (интергенетических интервалов); оценка своевременности вступления в брак и рождения первого ребенка; влияние заболеваемости женщин, течения беременности и родов, а также заболеваемости детей на формирование репродуктивной установки молодых супругов.

Исследования проводились в семи крупных городах, где процесс регулирования рождаемости наиболее выражен. Была проанализирована информация о 250 семьях в Москве (повторное обследование во вторые 5 лет брака), 600 — в Тамбове, 370 — в Андижане. Для получения сравнительной характеристики особенностей рождаемости в различных районах страны привлекались данные обследований, выполненных в 1969—1975 гг. на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения I Московского медицинского института в Алма-Ате (802 семьи), Вильнюсе (450), Андижане (778).

В исследовании вопросов, связанных с изучением современных тенденций рождаемости, большой интерес представляет медико-социальный анализ интенсивности процесса деторождения в первые годы брака. Период создания собственной семьи характеризуется своеобразными трудностями в социально-экономическом положении супругов, зачастую связанными с необходимостью завершения образования, улучшения материальных и жилищных условий, началом трудовой деятельности. Все эти моменты определяют дифференциацию не только в имеющемся жизненном уровне супругов, формировании потребностей в материальных и духовных благах, но и в тех идеалах и целях, достижение которых в будущем составит главный смысл их жизни.

Поэтому тот социально-экономический статус, с которого начинают жизненный путь супруги, предопределяет, конкретизирует их отношение к деторождению, подготовленность к выполнению родительских обязанностей, восприятию и преодолению трудностей в связи с рождением

первого ребенка в семье. Необходимо отметить, что требования к соответствующему уровню жизни, к которому стремятся молодые супруги, будут постоянно видоизменяться по мере развития семьи и ее перехода от одного этапа жизненного цикла к другому.

Для современных молодых семей, являющихся своеобразной социально-демографической группой, характерно внутрисемейное регулирование рождаемости, которое осуществляется сразу же после вступления в брак. Как показал анализ обследования когорт молодых семей в Москве, Тамбове, Вильнюсе, Алма-Ате, за первые 5—6 лет брака в 90—98 % обследованных семей родился первый ребенок. Может показаться, что «проблемы первого ребенка» нет вовсе и что необходимо сосредоточить внимание и усилия на проблемах, связанных с рождением вторых детей, которых желают иметь в своих семьях 53—60 % супругов. Однако на самом деле число семей, имеющих, в сравнении с желаемым, двух детей, среди москвичей и тамбовчан меньше в 4 раза, среди литовцев (Вильнюс) и русских, проживающих в Алма-Ате, — в 2 раза.

К третьему году супружеской жизни от 17 до 29 % молодых женщин в Москве, Вильнюсе, Тамбове еще не имели детей; на четвертом году около 7 % обследованных женщин родили первого ребенка, на пятом году — 2—3 %. Это свидетельствует о том, что немалая часть молодоженов начинает регулировать процесс деторождения сразу же после вступления в брак.

Об этом же свидетельствуют и результаты анализа одной из важнейших характеристик детородной функции женщин — срока наступления и исхода первой беременности. Так, в когортах женщин Москвы, Тамбова и русских в Алма-Ате — у каждой 10—12-й, среди казашек — у каждой 20-й женщины первая беременность наступила после первых двух лет брака. Причем, по данным обследования в Тамбове, Вильнюсе и Алма-Ате, отмечено, что в последние годы более половины молодых супругов уже на первом году брака применяют различные контрацептивные средства, частота использования которых наибольшая среди супругов с наиболее высоким уровнем образования.

Среди литовских женщин, имеющих среднее и ниже среднего образование, первая беременность наступила в первые два года супружества у 78 %, в то время как в группе женщин с более высоким уровнем образования — только у 64 % женщин. Среди тамбовчан, имеющих одно-

го ребенка, при среднем и более низком уровне образования обоих супругов первый ребенок родился в первые два года брака у 83 %, при наиболее высоком — только у 63 %.

Интересно отметить, что молодожены регулируют время рождения первого ребенка даже тогда, когда первая беременность наступила против их желания. Частота искусственного прерывания первой беременности в среднем среди женщин обследуемых когорт составила 8—21 %. Наиболее активны в этом отношении были женщины с незаконченным высшим или средним специальным образованием.

Регулирование срока рождения первого ребенка увеличивает возраст первородящих женщин, часть из которых уже имеет в анамнезе искусственные аборты или различные заболевания, способствующие более высокой степени риска неблагоприятного течения и исходов беременности и родов или состояния здоровья новорожденных. Эти обстоятельства в дальнейшем в свою очередь могут явиться факторами, сдерживающими деторождение.

Нами установлены достоверные различия в том, что при первых родах частота осложнений беременности и родов выше, чем при вторых. Это подтверждают данные многих других исследователей о более высоком риске рождения мертворожденного или недоношенного ребенка у женщин при первых родах, а также более высоких уровнях у них перинатальной смертности новорожденных. Именно этими обстоятельствами объясняется важнейшее медико-социальное значение проблемы регулирования рождаемости и, в частности, рождения первого ребенка. Поэтому только через всестороннее изучение этой проблемы можно подойти к оценке существующих в неразрывной связи с ней тенденций в детской и перинатальной смертности.

Нами установлено также существование достоверных различий в том, что женщины, имевшие акушерскую патологию при первой беременности и при первых родах, планируют значительно меньший размер семьи в сравнении с теми, кто не имел осложнений при беременности и родах.

Как известно, темпы формирования семьи в первые годы брака в значительной степени характеризуют протогенетические интервалы. В исследовании в Тамбове среди супругов, имеющих среднее образование, протогенетический интервал составил 11,6, а с высшим — 14,9 ме-

сяца. Планирование сроков рождения первенцев отражается и на желаемых супругами протогенетических интервалах, которым они следуют в жизни. Менее 20 % обследованных в Вильнюсе семей и менее половины в Тамбове считали, что для молодой пары желательно иметь ребенка на первом году брака. Среди тамбовчан наилучшим сроком рождения первого ребенка был указан второй год брака (36 %), а в последующие годы — 19 %. Полученные данные свидетельствуют, по нашему мнению, о формировании общественного мнения о целесообразности рождения первого ребенка на 2—3 году брака. Распространение таких взглядов может привести к еще большему ограничению размеров семьи.

Анализ материалов по Тамбову показал, что в семьях, имеющих одного ребенка, только 10 % считали желаемым интервалом между рождением первого и второго ребенка 2 года, а среди семей, имеющих двоих детей, так думали 50 % обследованных семей. В то же время 42 % семей первой группы и 26 % второй группы считали, что интервал может быть свыше 5 лет.

Протогенетические и интергенетические интервалы, непосредственно связанные с демографическим поведением супругов, служат объективными характеристиками внутрисемейного регулирования рождаемости, так как могут выявить проблемы семей, имеющих одинаковое число детей, но различный при этом темп формирования семьи. Наши данные подтверждают ту точку зрения, что чем меньше интервал между вступлением в брак и рождением первого ребенка, тем короче и интервалы между рождением последующих детей.

Таким образом, различия во времени рождения первых детей обусловливают последующие сроки рождения вторых детей, а следовательно, и время формирования желаемого размера семьи. По материалам обследования после пяти лет брака в Тамбове 41 % семей уже считали свою семью полностью сформированной, в Алма-Ате доля таких семей достигала $^2/_3$.

Нами было установлено, что высокий уровень образования супругов оказывает сдерживающее влияние на процесс деторождения лишь в тех семьях, где он сочетается с наименее благоприятными материально-жилищными условиями. В этих условиях супруги планируют меньший размер семьи; здесь наиболее частое прерывание первой беременности искусственным абортом, приводящим к уве-

личению протогенетического интервала и более позднему рождению первенца.

В воспроизводстве населения нельзя недооценивать и роль такого фактора, как здоровье и «выживаемость» каждого нового поколения. Основы физического и нравственного здоровья, долголетия людей закладываются в самом раннем детстве. Поэтому одной из первоочередных социальных задач нашего общества является охрана здоровья матери и ребенка.

Важное место в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», утвержденных на XXVI съезде КПСС, занимают мероприятия по охране здоровья трудящихся. Они, в частности, отражают и все возрастающую заботу нашей партии и правительства об охране материнства и детства — необходимой основы повышения потенциала здоровья населения.

В современных условиях сложившейся демографической ситуации резко возрастают требования к здоровью населения вообще и к здоровью подрастающего поколения — в особенности как к одному из реальных резервов увеличения численности трудовых ресурсов страны за счет снижения заболеваемости, инвалидности, смертности и сохранения трудоспособности населения.

Перспективы динамики здоровья населения в значительной степени определяются уровнем воспроизводства здоровья поколений родившихся. Именно с этим ответственным периодом жизни связана последующая заболеваемость в детских, юношеских и взрослых возрастах. Болезни на первом году жизни усиливают опасность возникновения ранних форм гипертонической болезни, ишемической болезни сердца, заболеваний почек, болезней обмена веществ, сахарного диабета, аллергических болезней, хронических заболеваний органов дыхания и т. д.

Уровни заболеваемости детей раннего возраста в различных районах страны характеризуются значительными отличиями, что зависит от многих причин, в том числе от уровня и качества медицинской помощи. Но в среднем на 1000 детей первого года жизни приходится 2500—4000 случаев заболеваний в год.

В последние годы педиатры, акушеры-гинекологи и социал-гигиенисты все большее внимание уделяют здоровью новорожденных. Это важнейший фактор уменьшения смертности детей на первом году жизни. Дети, умершие до 1 года, составляют значительную часть всех умерших.

Уровень младенческой смертности превышает смертность в последующих возрастах, за исключением периода глубокой старости, и значительно сокращает показатели средней продолжительности жизни.

Среди заболеваний детей первого года жизни наиболее распространенными являются болезни органов дыхания (прежде всего пневмония), эндокринной системы, органов пищеварения и нарушения обмена веществ, нервной системы и органов чувств, инфекционные и паразитарные болезни, болезни костно-мышечной системы.

Как известно, большой ущерб здоровью детей наносят различные аллергические заболевания. Положение усугубляется тем, что они искажают течение других болезней. В результате трудно распознать эти заболевания и своевременно начать эффективное лечение. Распространенность аллергических заболеваний обусловливается широким применением вакцин и сывороток, антибиотиков, химических препаратов, а также средств бытовой химии, химических удобрений и ядохимикатов в сельском хозяйстве, загрязнением окружающей среды отходами промышленных предприятий. Возникновение аллергических заболеваний во многом определяется также нарушением режима питания грудных детей, гиподинамией, недостаточным закаливанием организма ребенка.

В этих условиях надо активнее работать над созданием новых вакцин, не вызывающих явления аллергии. Важно также выявлять способности организма ребенка вырабатывать иммунитет к аллергическим заболеваниям. Новые проблемы, к сожалению, мало изученные к настоящему времени, возникают в связи с интенсивным ростом городов. Такова, например, проблема влияния характера и темпа урбанизации на здоровье детей, особенно восприимчивых к неблагоприятному воздействию окружающей среды. Прежде всего это касается заболеваний органов дыхания. Установлено, что концентрация населения в крупных городах, рост миграции населения способствуют большему распространению острых инфекций верхних дыхательных путей.

Специальные выборочные обследования свидетельствуют о большой неравномерности заболеваний на первом году жизни человека. Самый трудный у ребенка — первый месяц. В этот период его заболеваемость вдвое больше, чем в остальные месяцы первого года жизни. С возрастом меняются не только частота, но и перечень наиболее часто встречающихся заболеваний. Так, доля забо-

леваний органов дыхания непрерывно увеличивается с возрастом ребенка, но при этом сокращается частота заболеваний. Например, частота возникновения пневмонии во вторые полгода фактически в два раза меньше, чем в первые полгода жизни.

Здоровье ребенка первого года жизни в немалой мере зависит от срока возникновения первого заболевания. Примерно 40 % всех первых заболеваний приходится на первый месяц жизни; 54 % всех случаев заболеваний в первые три месяца жизни уже являются повторными. Это показывает, насколько важно предотвратить ранее возникновение первого заболевания. В 43 % случаев первое заболевание является заболеванием органов дыхания, в 11 % случаев — заболеванием органов пищеварения и в 11 % — рахитом.

По нашим данным, раннее возникновение первого заболевания в значительной степени способствует формированию контингентов детей, часто и тяжело болеющих на первом году жизни. Среди них почти $^{3}/_{5}$ заболевают впервые еще в первый месяц жизни. Именно эта группа детей имеет повышенный риск летального исхода.

В условиях достигнутого относительно низкого уровня детской смертности проблема его дальнейшего снижения, а также укрепления здоровья новорожденных становится не только педиатрической, но и акушерской. Это касается большинства районов страны. Данные современной медицинской науки к угрожающим факторам для плода и новорожденного прежде всего относят соматические и инфекционные заболевания матери, патологию беременности и родов.

При заболевании матери (поздний токсикоз, ревматизм, пиелонефрит, грипп и др.) увеличивается риск рождения детей в асфиксии (удушье), с признаками функциональной незрелости, гипотрофии, инфицирования. Если матери больны, то у детей чаще обнаруживается отставание физического развития, ослабленная деятельность центральной нервной и сердечно-сосудистой систем, дыхания и др. Следствием этого является повышенная заболеваемость с первых месяцев жизни.

Работами социал-гигиенистов установлено, что вероятность умереть от пневмонии у детей, матери которых страдали токсикозом во время беременности, в 10 раз больше, чем у тех, которые родились от здоровых матерей. Исследованиями М. Я. Подлужной установлено, что у 36—47 % женщин, дети которых умерли в возрасте 0—6

дней, наблюдалась патология беременности и у 52—66 % — патология в родах. Учащающиеся случаи психических расстройств и врожденных пороков развития у детей обусловлены в первую очередь патологией беременности и родов, алкоголизмом родителей.

Большие задачи стоят перед обществом в деле охраны здоровья женщины. Это жизненно важные вопросы, они определяют счастье и благополучие каждой семьи и много значат для успешного осуществления социально-экономической программы развития нашего общества. Забота о здоровье женщины должна проявляться с самого раннего возраста. В частности, большого внимания требует гинекологическая заболеваемость девочек. По данным одного из обследований при осмотре девочек до 7 лет гинекологическая заболеваемость выявлена в 12 % случаев, при осмотре девочек от 8 до 16 лет — 10 %. В структуре детской гинекологической заболеваемости 46 % приходится на воспалительные заболевания и 42 % — на расстройство менструации. Несвоевременное обращение к врачу способствует развитию хронических форм этих заболеваний.

Следует отметить, что, несмотря на общую тенденцию снижения возраста женщин в момент рождения первого ребенка, относительно большая часть женщин, как было показано выше, длительное время после вступления в брак воздерживается от деторождения, в том числе искусственно прерывая беременность. Распространенность искусственного прерывания первой беременности является тревожным фактом. Несмотря на разъяснение со стороны медицинских работников о возможности неблагоприятных последствий, молодожены, причем порой под давлением родственников, ради обеспечения лучших условий жизни семьи и воспитания будущего ребенка принимают решение отложить его рождение. Насколько это разумно и оправдано? Подавляющее большинство молодоженов располагают тем комплексом минимальных условий, которые необходимы для нормального развития ребенка и организации быта семьи. Но если все же супруги предпочли временно воздержаться от рождения ребенка, чтобы первоначально удовлетворить другие свои запросы, то очень важно взвесить возможные неблагоприятные последствия такого решения. Избежав благодаря аборту затруднений, связанных с появлением малыша, семья нередко обрекает себя на тяжелые и в ряде случаев необратимые последствия такого «планирования» деторождения.

Несмотря на постоянное совершенствование методов

проведения искусственного прерывания беременности, применение современных способов обезболивания и профилактики послеоперационных осложнений, аборт был и остается опасным для здоровья женщин. Он нередко приводит к развитию различных хронических заболеваний женских половых органов. Согласно данным акушеров-гинекологов, серьезное расстройство менструации, как отдаленные последствия абортов при первой беременности, встречаются в 3—5 % случаев. У первородящих, имевших аборты, чаще встречаются угроза прерывания беременности, преждевременные роды, слабость родовой деятельности в сравнении с первобеременными.

Беременность, протекающая с симптомами угрозы прерывания после неоднократных абортов, в 14 % случаев заканчивается рождением детей с пороками развития. Пороки развития входят в число ведущих трех причин детской смертности. Следует также отметить, что наибольший риск неблагоприятного течения беременности и исхода родов характерен для первородящих женщин в возрасте 30—35 лет. У них в сравнении с 20—24-летними женщинами в два с лишним раза больше страдающих нефропатией, имеющих преждевременные или запоздалые роды, слабость родовых сил и т. д. Все это оказывает неблагоприятное влияние на состояние здоровья новорожденного в первый месяц жизни.

Онкологами установлено неблагоприятное влияние поздних первых родов и на здоровье женщины. Следует знать и помнить, что риск возникновения рака молочной железы у женщин, вступивших в брак или имевших первые роды в возрасте 30 лет и старше, вдвое выше, чем у тех, кто вступал в брак или имел первые роды до 25 лет. Нельзя также забывать, что чем выше возраст матери при рождении ребенка, тем больше шансов у детей заболеть лейкемией. В особую группу повышенного риска онкологического заболевания выделяют онкологи детей, матери которых родили их первыми родами в возрасте старше 35 лет.

Возраст 20—24 года оптимален для первых родов, так как у этой группы женщин наблюдается наименьший уровень мертворождаемости, недоношенности, перинатальной смертности. Это связано с тем, что $^2/_3$ женщин в этом возрасте не имеют соматических и гинекологических заболеваний, у большинства из них не было абортов. Все это, несомненно, способствует благоприятному течению беременности, благополучному их исходу, сокращению рож-

дения недоношенных детей, улучшению здоровья новорожденных, выживанию детей и увеличению рождаемости.

Важным резервом дальнейшего снижения детской смертности является сокращение числа рождений недоношенных детей, смертность которых в 15—20 раз выше, чем у доношенных. Недоношенные дети составляют среди умерших детей до года 40—50 %, 60—70 % — умерших на первой неделе жизни и около 60 % всех случаев мертворождений. Многие исследователи отмечают, что у недоношенных детей по сравнению с доношенными чаще встречаются различные врожденные пороки развития, нередко в дальнейшем эти дети отстают в физическом и нервно-психическом развитии.

В этой связи нужно рассматривать и еще один аспект социально-гигиенических последствий рождения недоношенных детей — в перспективе, когда девушки, родившиеся с низким весом (2500 г и менее), вступят в детородный возраст, они также определят группу повышенного риска рождения недоношенного ребенка, патологии беременности и родов.

Известно, что длительность естественного вскармливания и время начала докорма является важным фактором, определяющим здоровье новорожденного. Однако именно ранний выход женщин после родов на работу является основной причиной раннего докорма ребенка. В то же время среди новорожденных, находящихся на грудном вскармливании, в 2 раза реже встречаются заболевания рахитом, анемией, пневмонией, в 4 раза — гипотрофией желудочно-кишечного тракта. Согласно данным нашего обследования в Тамбове у детей, матери которых находились дома после родов только в течение 4 месяцев, отмечалось наиболее тяжелое течение пневмонии. Возникновению же ее в 70—80 % случаев предшествовали острые респираторные заболевания и грипп, нередко сочетавшиеся с рахитом.

Введенный в XI пятилетке для работающих женщин частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им одного года — важный шаг в дальнейшем улучшении охраны материнства и детства в стране.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», утвержденных на XXVI съезде КПСС, предусматривается всемерно способствовать улучшению жилищно-бытовых условий молодоженов, расширение этим семьям, а также семьям, имеющим детей, преимуществ и

льгот. Это очень важное условие для гармоничного и стабильного развития семьи, обеспечивающее улучшение ее здоровья.

Однако успешное решение задач дальнейшего укрепления здоровья детей невозможно без повышения роли и ответственности семьи в осуществлении профилактических мероприятий и качественного ухода за ними. Как указывают данные ряда авторов, при обнаружении первых признаков болезни у ребенка в 22 % обследованных семей лечат его сами, не обращаясь к врачу, в 12 % семей ребенка с признаками болезни ведут в детское учреждение.

К сожалению, нередки случаи, когда родители допускают различные погрешности в уходе за новорожденными. Наиболее частыми ошибками по уходу со стороны родителей являются: боязнь свежего воздуха; чрезмерное укутывание ребенка с высокой температурой; неумение давать лекарства маленьким детям, в результате чего они получают неполную дозу лекарства; раннее и самовольное прекращение лечения при снижении температуры и некотором улучшении состояния заболевшего; нерегулярность выполнения назначений врача-педиатра и др. Поэтому нужен тщательный регулярный медицинский контроль за выполнением в семье санитарно-гигиенических требований в уходе за ребенком. Установлено, что при плохом материнском уходе за новорожденными частота заболеваний гипотрофией, рахитом, инфекционными болезнями в 2—3 раза выше в сравнении с заболеваниями детей, имеющих хороший уход.

Большое значение для сохранения жизни и здоровья детей имеет и повышение уровня оказания медицинской помощи. В этих целях проводится дальнейшее укрупнение детских поликлиник и больниц, совершенствование профилактических форм работы.

На базе крупных многопрофильных детских городских, республиканских, областных больниц и научно-исследовательских институтов создаются специализированные центры по детской хирургии, пульмонологии, неврологии, аллергологии, нефрологии, так как для детей с заболеваниями органов зрения, слуха, нервной системы и других существуют специальные школьные и дошкольные учреждения. В задачу центров входят диагностика, профилактика и лечение болезней, оказание методической и консультативной помощи, повышение квалификации врачей.

В решениях XXVI съезда КПСС, в Конституции СССР (ст. 42), в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров

СССР от 22 сентября 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» особое внимание уделено дальнейшему улучшению охраны здоровья женщин и детей. В постановлении предусматривается расширение сети детских поликлиник, женских консультаций, родильных домов, детских больниц и санаториев, профсоюзных санаториев и пансионатов для лечения и отдыха родителей с детьми, специализированных круглогодичных санаторных школьных лагерей, разукрупнение педиатрических участков, расширение производства продуктов питания и др.

Охрана материнства и детства в СССР представляет собой систему мероприятий, имеющих целью обеспечить нормальное развитие подрастающего поколения, предупреждение и лечение болезней детей. Успешное социально-экономическое развитие нашего общества создает из года в год все более широкие возможности для проведения в жизнь медико-социальных мероприятий, направленных на снижение заболеваемости и смертности детей, на создание условий для рождения здорового ребенка, для гармоничного его развития.

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» направлено на дальнейшее повышение эффективности работы по охране здоровья населения, предупреждение, своевременное выявление, эффективное лечение заболеваний и восстановление трудоспособности, сохранение здоровья и продление активной творческой жизни советских людей.

В нем, в частности, обращено особое внимание на необходимость повышения качества профилактических осмотров и диспансеризации населения, прежде всего женщин и детей, развития сети совершенствования работы медико-генетических консультаций, усиление лечебно-оздоровительной работы среди подростков и молодежи, а также улучшения медицинского обслуживания детей в дошкольных учреждениях.

Р. А. ВАРДАНЯН, Г. Г. ГЕВОРКЯН

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В АРМЯНСКОЙ ССР

Армения входит в число республик СССР, где в течение очень короткого периода произошли существенные сдвиги в области демографического развития. Несмотря на свою многовековую, древнюю историю, в момент установления Советской власти в Армении (1920 г.) население молодой Советской Республики составляло лишь 720 тыс. человек. Коренные социалистические преобразования экономики и социальной жизни способствовали быстрому росту численности населения. В 1940 г. общая численность населения республики составила 1320 тыс. человек, в 1960 г.— 1830 тыс. и в 1980 г.— 3074 тыс. человек.

Итак, за 60 лет социалистического развития население Армянской ССР увеличилось более чем в 4 раза. Абсолютный прирост за период первого двадцатилетия (1920—1940 гг.) составил 600 тыс. человек, второго (1940—1960 гг.) — более 500 тыс. человек, а третьего (1960—1980 гг.) — 1244 тыс. человек.

Как видно из приведенных данных, по масштабам прироста численности населения особенно выделяются последние два десятилетия. Поэтому анализ современного состояния демографического развития Армянской ССР представляет определенный интерес. Главной особенностью демографического развития Армении является высокий среднегодовой темп прироста общей численности населения. Если за 1960—1980 гг. среднегодовой темп прироста общей численности населения по СССР составил 1,1 %, то в Армянской ССР — 2,6 %.

В 1980 г. общий коэффициент рождаемости в Армянской ССР был на 20 % больше, чем по стране в целом. Так, если в СССР на 1000 человек населения в среднем приходилось 18,3 рождения, то в Армянской ССР — 23,0.

Противоположная картина наблюдается при сравнении общего показателя смертности, что преимущественно связано с более молодым возрастным составом населения Армении.

Специфической особенностью демографического развития Армянской ССР является положительное сальдо межреспубликанской миграции. Ежегодно оно составляет 3—4 человека на 1000 населения. Следовательно, высокий среднегодовой темп роста численности населения Армянской ССР является результатом относительно высокой рождаемости, низкой смертности и постоянного притока населения из других союзных республик.

Все вышеперечисленные демографические особенности республики представляют определенный интерес. Однако в данной статье нашей задачей является лишь рассмотрение направления изменения уровня рождаемости. Ориентировочное представление о динамике изменения уровня рождаемости в Армянской ССР дают общие показатели рождаемости.

Таблица 1

Динамика общего коэффициента рождаемости в Армянской ССР за 1921—1980 гг.

Годы	Число рождений на 1000 населения	Годы	Число рождений на 1000 населения
1921—1925	36,9	1960	40,1
1926—1930	56,1	1965	28,6
1931—1935	44,6	1970	22,1
1940	41,2	1975	22,4
1950	32,1	1980	22,7

Из данных табл. 1 следует, что изменения общего уровня рождаемости в Армянской ССР происходили довольно-таки зигзагообразно. После установления Советской власти в Армении показатель рождаемости резко возрос. Максимальный уровень рождаемости в республике был зарегистрирован в 1926—1930 гг. — 56 рождений на 1000 человек населения. Высокий уровень рождаемости за указанный период подтверждается также материалами специального выборочного обследования[1].

Тенденция снижения уровня рождаемости в республике наблюдалась уже в 30-х годах. Общий коэффициент

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, с. 82.

рождаемости в 1940 г. по сравнению со второй половиной 20-х годов снизился на 27 %. Существенным переломным периодом снижения уровня рождаемости в Армянской ССР явились 60-е годы, когда уровень общего показателя рождаемости сократился с 40 ‰ в 1960 г. до 22 ‰ в 1970 г. Следовательно, несмотря на то, что тенденция снижения рождаемости в республике начала проявляться еще в 30-х годах, она бурно ускорилась особенно после 60-х годов, что способствовало быстрому переходу от так называемого традиционного типа рождаемости к современному типу рождаемости.

Безусловно, динамика общего коэффициента рождаемости не может дать истинную картину снижения рождаемости, поскольку на него существенно влияет возрастно-половая структура населения. Для того чтобы иметь полное представление о подлинном характере изменения рождаемости в Армянской ССР, обратимся к более точным измерителям рождаемости — повозрастным показателям.

Таблица 2

Динамика повозрастных коэффициентов рождаемости в Армянской ССР за 1958—1959 — 1978—1979 гг.

Возрастные группы	Число рождений на 1000 женщин соответствующего возраста				
	1958—1959	1964—1965	1969—1970	1973—1974	1978—1979
15—49 лет	137,2	112,2	92,9	84,7	82,8
из них:					
моложе 20 лет	36,4	45,4	41,2	39,1	41,3
20—24	203,7	221,0	213,3	213,2	202,7
25—29	260,4	232,1	164,2	170,4	144,1
30—34	209,2	155,0	123,8	86,7	67,9
35—39	150,2	92,7	67,6	53,5	24,5
40—44	36,8	22,1	23,8	17,0	10,0
45—49	11,1	5,3	5,1	2,6	1,4
Суммарный коэффициент рождаемости в расчете на 1 женщину	4,5	3,9	3,2	2,9	2,4

Приведенные данные наглядно показывают снижение уровня рождаемости по возрастным группам. Суммарный коэффициент рождаемости в 1978 — 1979 гг. по сравнению с 1958—1959 гг. снизился почти в 2 раза. Если раньше женщина за весь репродуктивный период имела в среднем 4,5 ребенка, то в настоящее время — только 2,4

ребенка. Характерно также, что, чем старше возраст женщины, тем быстрее снижаются повозрастные показатели рождаемости. В возрастной группе женщин 45—49 лет число случаев рождения детей сократилось в 8 раз, в группе 35—39 лет — в 6,2 раза, в группе 30—34 года — более 3 раз и т. д.

Помимо снижения уровня рождаемости в республике наблюдается процесс омолаживания возраста матерей, рожающих детей. Если в 1958—1959 гг. наибольшее число рождений приходилось на возрастную группу 25—29 лет (260 рождений на 1000 женщин), то уже в 1978—1979 гг. наибольшее число рождений (203) наблюдалось в возрастной группе 20—24 года.

Процесс омолаживания материнского возраста женщин теснейшим образом связан со снижением среднего возраста женщин, вступивших в брак. Так, в начале 60-х годов средний возраст женщин, вступивших в брак, приходился на возрастную группу 25—29 лет, а в настоящее время — на возрастную группу 20—24 года. Снижение возраста молодых матерей объясняется тем, что первого ребенка имеют почти все вновь созданные семьи. Ограничение и планирование числа детей в семье начинается в основном со второго или третьего ребенка.

Для более детального выявления характера сознательного ограничения и планирования числа детей в семье на основе повозрастных показателей рождаемости нами рассчитаны также кумулятивные (суммарные) показатели рождаемости. Анализ последних показывает, что ограничение числа детей в семье и планирование сроков их рождения в Армянской ССР получает все большее распространение. Так, по данным 1978—1979 гг. первый ребенок у женщин преимущественно рождается в возрасте 20—24 года, а в возрастной группе 25—29 лет — уже второй ребенок. Примечательно, что величина суммарного коэффициента рождаемости женщин (2,4) окончательно формируется в возрастной группе 35—39 лет, а остальные возрастные группы существенно не меняют его величину.

Об изменении уровня рождаемости и структуры родившихся (по очередности) детей в Армянской ССР свидетельствуют также следующие статистические данные. Если в 1960 г. доля женщин, родивших третьего ребенка и более, составила 54,1 %, в 1965 г. — 56,6 %, то в 1975 г. — 34,9 %, а в 1979 г. — лишь 24,5 %[1], т. е. в конце 70-х годов

[1] См.: Народное хозяйство Армянской ССР за 60 лет. Ереван, 1980, с. 23.

только один из четырех родившихся детей являлся третьим или более по счету ребенком.

Итак, анализ общих и повозрастных показателей рождаемости показал, что за последние десятилетия в Армянской ССР интенсивно снижался уровень рождаемости и в республике формируется новый режим рождаемости, который существенно меняет место республики среди других союзных республик страны. При группировке союзных республик по величине рассматриваемого нами показателя многие советские демографы Армянскую ССР включают в группу республик, имеющую средний уровень рождаемости. В частности, Г. А. Бондарская и В. И. Козлов на основе изучения коэффициентов детности уже в начале 70-х годов писали, что «Грузия явно тяготеет к областям с низкой рождаемостью, Азербайджан входит в область высокой рождаемости, а Армения стала занимать промежуточное положение между

Таблица 3

Характеристика режима рождаемости населения по союзным республикам

Уровень рождаемости	Величина суммарного коэффициента рождаемости в конце 70-х годов	Союзные республики, входящие в данную группу	Численность населения на 1.1 1980 г.	Доля населения каждой группы в общей численности населения СССР, %
1. Обеспечивает только суженное воспроизводство поколений	от 1,8 до 2,0	РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР, Эстонская ССР	205,4 млн.	77,6
2. Обеспечивает простое или слегка расширенное воспроизводство поколений	2,3—2,5	Грузинская ССР, Молдавская ССР, Армянская ССР	12,1 млн.	4,6
3. Обеспечивает расширенное воспроизводство поколений	от 3,0 до 5,9	Узбекская ССР, Казахская ССР, Азербайджанская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР	47,0 млн.	17,8

ними, так как ее еще недавно высокий уровень рождаемости заметно снижается»[1].

Мы провели группировку союзных республик по уровню коэффициента суммарной рождаемости женщин и получили следующие результаты (см. табл. 3).

Как видно из данных табл. 3, уровень рождаемости в шести союзных республиках — РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР — обеспечивает только суженное воспроизводство поколений. Он характерен для $^4/_5$ населения страны. Три союзные республики — Грузинская, Молдавская и Армянская ССР — имели такой режим рождаемости, который обеспечивает простое или слегка расширенное воспроизводство поколений. И наконец, режим рождаемости в третьей группе союзных республик — Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Киргизской, Таджикской и Туркменской — обеспечивает расширенное воспроизводство поколений. Доля населения этой группы в общей численности населения СССР составляет менее $^1/_5$. Таким образом, из трех Закавказских республик только в Азербайджанской ССР отмечается расширенное воспроизводство поколений.

В Армянской ССР за короткий срок (1960—1980 гг.) произошел демографический переход от высокой рождаемости к средней. В чем же заключается причина столь резкого снижения рождаемости? Объясняя причины снижения уровня рождаемости в стране, многие исследователи связывают это с такими социально-экономическими факторами, как рост материального благосостояния (доход, жилищные условия и т. д.) и изменение системы социальных ценностей (образование, профессия, занятость в общественном хозяйстве и т. д.).

Это подтверждается материалами многих социально-демографических обследований. В частности, проведенное НИИЭП Госплана Армянской ССР в 1976 г. социально-демографическое обследование женщин нашей республики показало, что уровень детности (число детей в возрасте 0—4 года на 1000 женщин) среди неработающих женщин был почти в 2 раза выше, чем среди всей массы обследованных женщин. При этом в отдельных районах эти различия были еще более выраженными.

На наш взгляд, причиной снижения рождаемости являются не отдельные факторы, а комплекс факторов, ма-

---

[1] *Бондарская Г. А., Козлов В. И.* Национальный состав населения как фактор дифференциации рождаемости. — В кн.: Факторы рождаемости / Под ред. А. Г. Волкова. М., 1971, с. 65.

териализованных в сознании людей, которые в конечном итоге и формируют *систему потребностей,* в том числе *потребность в детях.* Конечно, здесь речь идет о человеческих, разумных, рациональных потребностях, иначе: «У человека оказалось бы столько потребностей, сколько разнообразных объектов внешнего мира»[1].

Комплексное социально-демографическое обследование женщин в Армянской ССР показало, что произошли значительные сдвиги в системе потребностей женщины. В частности, ребенок в комплексе тех причин, из-за которых женщина не принимает участия в общественном производстве, не играет решающей роли. Согласно материалам этого обследования наличие детей явилось причиной того, что женщина не участвует в общественном производстве лишь у 30 % неработающих. Наряду с этим в системе потребностей появились такие ценности, как стремление получить образование и профессию, улучшить материальные условия жизни, забота о состоянии здоровья и т. д.

Следовательно, изменение уровня рождаемости в Армянской ССР связано с возрастанием других более предпочтительных социально-экономических потребностей. И чем меньше удовлетворяются эти потребности, тем ниже рождаемость. Кроме того, изменение социально-экономических условий не сразу влечет за собой изменение демографических процессов и формирует систему потребностей. Здесь, по-видимому, как и в других социальных явлениях, действует сила инерции, которая, в частности, проявляется в национальных особенностях и традициях.

---

[1] *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения.— В кн.: Демографическое поведение в семье. Ереван, 1975, с. 3.

В. Б. ГОЛОФАСТ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ

(на примере семей рабочих Ленинграда)

В Конституции СССР сформулирован фундаментальный принцип социальной политики социализма: «Семья находится под защитой государства». В последние годы развернута активная дискуссия общественности об основных тенденциях развития семьи, о возможных путях общественного воздействия на демографические процессы, о механизме снижения рождаемости. Были проведены десятки демографических исследований, в результате которых установлена тесная взаимосвязь семьи с рядом общественных процессов, настоящим и будущим трудовых ресурсов, воспроизводством населения, здоровья.

Одна из главных задач на современном этапе, как отметил XXVI съезд КПСС, это «создание условий для упрочения семьи»[1]. Тем самым было определено важное направление совершенствования демографических процессов в нашем обществе, утвержден принцип активной роли государственных и общественных органов в отношении семьи и воспроизводства населения.

Принятые вскоре после съезда постановления партии и правительства об увеличении послеродовых отпусков, выплат и льгот беременным женщинам и матерям с малолетними детьми, о развитии форм помощи молодоженам, о дальнейшем развитии пенсионного обеспечения воплощают в жизнь программное требование съезда. Оценить эффективность подобных мероприятий семейной политики, определить их влияние на развитие семьи — важная задача научных и практических работников. Таким образом,

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 176.

проблемы состояния и изменения семейно-брачных отношений в СССР в современных условиях приобретают особое и научное, и практическое значение.

Как всякое сложное общественное явление, семья является предметом изучения многих дисциплин. Однако исследование проблем современной советской семьи осложняется рядом обстоятельств: существуют разные точки зрения и оценки состояния семьи в СССР; само состояние семьи существенно разнородно в региональном, этническом и социально-экономическом планах; данных для точного определения степени этой разнородности крайне мало. Такие данные представлены материалами переписей, работами демографов, этнографов, фрагментарными работами в области социологии и истории семьи в нашей стране. Практически нет данных об экономике семьи. Недостаточно изучена семья в таких областях исследования, как социология города и села, социальная психология, психиатрия, описательное правоведение, медицинская статистика, сексология и ряд других. Углубленные исследования семьи требуют четкой и согласованной междисциплинарной кооперации.

Семья в нашем обществе находится в постоянном изменении. Как показали две последние переписи населения, между регионами СССР существуют некоторые различия в социально-демографических характеристиках семьи и в тенденциях ее развития. Ряд авторов склонны трактовать эти различия как проявление традиционных и этнических особенностей жителей регионов. Мы считаем, что семья в СССР продолжает изменяться под влиянием главным образом социально-экономических факторов.

Сравнение некоторых семейных характеристик (таких, как средний размер семьи, рождаемость, брачность, разводимость) между республиками и их столицами и крупнейшими городами показывает, что различия между городами более сглажены, чем различия между республиками. Показатели по городам значительно ближе к показателям наиболее развитых регионов страны, но это означает, что в крупных городах несколько сильнее выражены нарушения режима воспроизводства населения, брачного и семейного состояния.

Перечислим некоторые из них: снижение рождаемости и малодетность семей; высокая разводимость; повышенная доля неполных семей, вдовых, разведенных, одиночек и живущих отдельно от семьи лиц; увеличение доли рож-

денных и воспитывающихся вне брака или в повторном браке детей; высокая доля внебрачных зачатий и рождений, абортов, заболеваемости; дезорганизация и психопатология в семье; детская и подростковая преступность. Ряд этих явлений, вероятно, можно считать социальными издержками более быстрого экономического и социального развития в городах.

Тип семьи, складывающийся в городах, обладает, однако, некоторыми преимуществами, прогрессивными чертами, обусловленными потребностями экономического и социального развития. Наиболее важные из них — это мобильность рабочей силы, ее высокое качество, индивидуализация стиля жизни, ускорение культурного и профессионального роста. Этим обусловлена большая независимость личности от родственных связей, с одной стороны, а с другой — высокие требования личности к своей семье.

Сегодня мы еще располагаем недостаточно детальными статистическими данными для анализа развития семьи в различных регионах страны. Углубленный анализ этих процессов пока возможен лишь на базе выборочных обследований. В 1978—1979 гг. Институтом социально-экономических проблем АН СССР проведен цикл обследований семьи в Ленинграде, а также в городах Латвии — Риге и Даугавпилсе[1]. Жители этих городов, на наш взгляд, наиболее четко воплощают современные тенденции развития семьи.

Остановимся на составе семьи в крупном городе. Для Ленинграда характерна высокая степень разукрупнения, нуклеаризации семьи. Если в начале брака около половины молодых супружеских пар начинают свою семейную жизнь с родителями, то уже через 5 лет с родителями продолжает жить лишь каждая четвертая полная пара. Еще интенсивнее этот процесс протекает в Латвии. Тенденция к раздельному проживанию является стремлением не только молодых, но и их родителей.

Около $^1/_3$ рабочих семей в начале брака не имели минимальных жилищных условий — жили раздельно, в том числе в общежитии, снимали комнаты и т. п. Объясняется это тем, что среди молодых рабочих и служащих высока доля

---

[1] В Ленинграде опрошено 656 семей рабочих, в Риге и Даугавпилсе — 1200 семей рабочих и служащих промышленных предприятий. При отборе контролировался пол, возраст, брачное состояние, содержание труда опрошенных. Иначе говоря, данные этих обследований могут быть распространены лишь на занятое население указанных категорий, но не на все население этих городов.

приезжей молодежи, которая получает профессию и образование в городских училищах, техникумах и вузах. Жилищная проблема в большинстве случаев появляется у ряда семей при рождении ребенка или принятии решения о расширении семьи путем соединения с родителями. В целом не менее 7 из 10 рабочих семей Ленинграда при обследовании составляли нуклеарные (простые) семьи. Еще выше эта доля у служащих и лиц с высшим образованием. Связи с родственниками сохраняются у всех семей, включая обмен услугами и благами[1].

Для современной семьи характерны такие взаимоотношения поколений, при которых в начале брака родители особенно часто оказывают помощь молодой семье. Но на поздних стадиях брака семья не только пользуется помощью родителей в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства, но и осуществляет уход за престарелыми родителями, которым уже трудно заниматься самообслуживанием.

Это значит, что родственные связи продолжают играть большую роль, так как ведут к выравниванию экономического положения родственников. Тем самым достигается известное сближение условий жизни состоящих в родстве людей независимо от их возраста, семейного статуса, доходов, жилищных условий, состояния здоровья, трудоспособности и т. п. Если молодые семьи получают существенную помощь от родителей в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства, то наряду с этим есть и такая группа семей: супруги в среднем возрасте, на которых ложится двойная нагрузка — забота о детях и стареющих родителях, а это требует большего внимания и помощи семье со стороны системы образования, социального обеспечения и коммунального обслуживания.

В Ленинграде 17 % обследованных семей имеют детей уже к исходу первого года брака, а 7—8 % семей имеют детей в момент регистрации брака. Это является следствием добрачных зачатий и в меньшей степени — повторных браков, где у одного из супругов есть дети от предыдущего брака. Около 15—18 % семей являются неполными как вследствие разводов, так и несостоявшихся браков. Это серьезные нарушения брачного и семейного состоя-

---

[1] Более подробно об одной из распространенных форм контактов и взаимопомощи семей см.: *Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С.* Структура и функции семейных групп. М., 1983.

ния. Ряд семей остаются бездетными, по нашим данным это примерно 3—5 % семей.

Итак, следствием продолжающегося процесса урбанизации и особенно роста контингента рабочей силы в городах, главным образом за счет мигрантов, является высокая степень нуклеаризации семьи, относительная независимость семейных единиц в структуре родства, а значит — высокая степень свободы взрослых от родственных связей, позволяющая им следовать своим путем в сфере образования, занятости, потребления, досуга, индивидуализации стиля жизни. Эти видоизменения структуры родства можно считать прогрессивным явлением, так как мобильность личности отвечает потребностям развития экономики и образа жизни.

Наряду с этим на нынешнем этапе развития урбанизации нарушения воспроизводства населения, брачного и семейного состояния населения охватывают не только крупные города, но и становятся проблемой многих регионов страны. Чтобы семья успешно выполняла свои общественные функции, семейные процессы организуются посредством распределения внутренних и внешних семейных функций между членами семьи. Порядок распределения функций в городской семье продолжает изменяться. Имеется много предположений о направлениях этих изменений, механизмах перехода от одного типа организации семейного процесса к другому, об условиях и последствиях этих изменений в социалистическом обществе. Однако фактическая база проверки подобных предположений только начинает создаваться.

Внутрисемейные функции супругов и супружеские отношения нами были детально обследованы в семьях рабочих Ленинграда. Ниже приводятся некоторые результаты анализа полученных данных. В выполнении ряда функций в семье весьма высока степень совместности, взаимозаменяемости супругов. К таким функциям относятся: приобретение предметов долговременного пользования и использование подавляющего большинства внешних услуг, прием и посещение гостей, культурная инициатива, воспитание и образование детей, принятие основных семейных решений, психологические взаимосвязи между супругами.

Ряд семейных функций преимущественно концентрируется в роли женщины — жены и матери: обеспечение бытовых потребностей членов семьи и уход за жильем, контроль над денежными ресурсами в семье, решения и

действия по оперативным расходам. Выявлен ряд семейных функций, концентрирующихся преимущественно в роли мужа-отца: налаживание психологических взаимоотношений в семье, осуществление контроля над потреблением культуры, бытовые функции, требующие технической компетентности или физической силы.

Наконец, в ряде семей выявлен ситуативно-личностный порядок распределения некоторых функций. Подобные дела могут быть либо женскими, либо мужскими, либо выполняться супругами взаимозаменяемо, на равных: сдача обуви в ремонт, мытье окон, полов (уход за жилищем), написание поздравлений к праздникам (внешние связи с родственниками, друзьями) и др.

Убеждение в необходимости равенства между супругами часто принимает вид требования: «любое дело в семье может и должен выполнять любой член семьи». Это требование в современной городской рабочей семье осуществляется лишь в некоторых сферах семейной жизни. В других областях наблюдается концентрация функций в роли мужа или жены. Ситуативно-личностный порядок распределения может быть распространен, вероятно, на отдельные элементы различных функциональных сфер семейной жизни.

Симптоматично, что человек вступает в отношения со сферой услуг, скорее, как индивид, нежели как член семьи. Именно к такому выводу приводит отсутствие заметной дифференциации между мужем и женой в выполнении большинства подобных функций.

Социальное положение мужа в рабочей среде, по нашим данным, в среднем выше социального статуса жены. Он прослежен нами по таким показателям, как социальное происхождение, длительность проживания в крупном городе, возрастные различия между супругами, квалификация, профессиональная подготовка, содержание труда, образование, заработок. Соотношение этих показателей супругов приближается к симметрии (равнозначности) только по показателю образования (31,7 % мужей имеет образование выше, чем жены, 37,7 % — равное и 30,5 — ниже).

Наиболее велики различия в пользу мужа по показателю заработной платы. Это значит, что муж несет более весомую нагрузку по обеспечению семьи, что отражается на его семейном положении. Контроль над текущими расходами неотъемлем от организации всего бытового процесса в семье. И поскольку он делает женщину храни-

тельницей и распределителем общих семейных доходов, по крайней мере, в той же степени, как и мужчину, то это позволяет выступать жене в сфере услуг столь же самостоятельным и активным представителем семьи.

Таким образом, порядок распределения функций в современной городской семье рабочих можно рассматривать как регулирующий механизм, который приводит как бы к выравниванию следующего вида: несимметричный трудовой статус мужа и жены, симметрия функций супружества и родительства в семье как основа семейного взаимодействия, концентрация функций распределения и контроля ресурсов и домашнего хозяйства в роли жены, симметрия функций, обеспечивающих связь семьи и сферы услуг (кроме текущего семейного потребления, являющегося преимущественно женской заботой).

Обобщая результаты детального анализа отдельных семейных функций, можно сделать вывод: более $^2/_3$ рабочих семей в Ленинграде — это семьи, в которых наблюдается равное распределение нагрузки между мужем и женой, в остальных же семьях жена значительно больше загружена домашними делами, чем муж. Таким образом, реальное положение дел значительно благоприятнее, чем это обычно предполагается при обсуждениях проблем семьи. К сожалению, мы не располагаем данными по семьям другого социального состава — семьям, где муж служащий, а жена рабочая, семьям колхозников и другим, где возможен иной тип распределения семейных функций.

Представления рабочих о характере разделения труда в семье противоречивы. Имеется ряд норм, которые представляются спорными обыденному сознанию. Это нормы «должен ли кто-то один управлять всеми домашними делами» (30 % согласных с данной нормой), «домом должна управлять женщина» (36 %) и «нет дел в доме только мужских и только женских» (33 % не согласны). Эти колебания объясняют неодинаковость восприятия существующей ситуации в семьях.

Сравнивая «счастливые» и «несчастливые» семьи или «напряженные» и «ненапряженные», можно видеть, как изменяется внутренняя структура семьи. В семьях, где отношения между супругами хорошие, повышается участие мужа в делах семьи и снижается нагрузка на женщину. Нормативные ориентации становятся более прогрессивными, и наряду с этим происходит такое перераспределение функций супругов, при котором одни дела становятся

«специальностью» жены, а другие входят в компетенцию мужа. Следовательно, наблюдается также тенденция, противоположная принципу «каждый в равной мере ответствен за всякое дело в семье».

Противоречивый характер структуры семьи и нормативного сознания ее членов является важной причиной напряженности в некоторых семьях. Напряженность в семье мешает удовлетворенности семейной жизнью, снижает репродуктивные стремления мужчин и женщин, отрицательно сказывается на воспитании детей, в культурном досуге. Важно и то, что напряженность в семье отрицательно влияет и на производственные показатели рабочих, в том числе на инициативность, дисциплинированность. В большой степени это касается женщин.

Основными причинами напряженности в семье являются трения между мужем и женой: недостаточное взаимопонимание между ними, противоречивость нормативных установок супругов, культурные различия. Важной причиной напряженности является потребление алкоголя. В каждой десятой семье эти вопросы ведут к острой ситуации, а в умеренной форме пьянство осложняет жизнь почти $^{2}/_{3}$ семей — чаще, чем любая другая форма напряженности.

Нам не удалось обнаружить подтверждения гипотезам о решающем влиянии подготовленности к браку или плохой совместимости супругов на процессы напряженности в семье. Второстепенное значение имеют и вопросы сексуальных отношений или конфликты с родителями. Это значит, что факторы напряженности связаны не столько с индивидуальной судьбой отдельной семьи, сколько с общим переходным состоянием семьи в крупных городах.

По нашим данным, ценности семьи находятся в центре жизненных интересов ленинградских рабочих. В большей степени это относится к женщинам, где ориентация на семью является почти монопольной по значимости. Для мужчин ценность работы лишь чуть меньше значима, чем ценность семьи, детей, досуга. Структура ценностей мужчин более уравновешенна, разнообразна, гармонична. С ценностями семьи тесно коррелируют и ценности здоровья близких, материального положения, жилищных условий. Это характерно для всех рабочих, состоящих в браке, мужчин и женщин. Лишь молодые разведенные или пожилые рабочие меняют свои жизненные интересы.

Все сказанное относится к семьям занятого населения обследованных городов. Эти данные нельзя, естественно,

распространить на все население города, поскольку в других группах возможны иные тенденции и закономерности. Однако несомненным является вывод, что исследования семьи выступают важным звеном изучения образа жизни в целом. В семье, как в фокусе, переплетаются многие важные интересы людей, не менее важные для них, чем в трудовом коллективе. Конечно, особенности состояния семьи в крупных городах имеют и важное социальное значение.

Наряду с общегосударственными программами демографической политики необходимо развитие региональных мероприятий (программ) помощи семье. Такие программы могут явиться конкретизацией общей демографической и семейной политики исходя из внутренних особенностей и ресурсов региона. Первые шаги в этом направлении предпринимаются в Москве, Ленинграде, республиках Прибалтики. Для этого необходимо продолжать комплексные исследования семьи, изучить методологические проблемы разработки семейной политики, определить основные направления помощи семье, упорядочить в одной схеме ресурсы и существующие формы общественного регулирования семейно-брачных отношений.

Что касается мер общественного регулирования семейно-демографических процессов, то, конечно, первая задача — понять механизм изменения семьи в его региональной специфике, зафиксировать имеющее место разнообразие, оценить его на научном и практическом уровне, а затем решить, что мы должны, можем сделать для удовлетворения общественных потребностей, не забывая о потребностях личности и интересах семьи как группы.

Дело в том, что потребности вмешательства в социальный процесс не могут быть всегда одинаковы не только потому, что регионы страны находятся на разных стадиях изменения и имеют несопоставимые или разнонаправленные тенденции, но и потому, что существуют различные возможности вмешательства в этот процесс на разных его этапах.

В качестве примера приведем политику регулирования рождаемости. Политика снижения рождаемости в решающей степени зависит от культурно-образовательного уровня населения. Если он низок, успешными оказываются, как показывает мировая практика, лишь «механические» меры, исключающие добровольное изменение моделей поведения. В столкновении рациональных и традиционных норм первые всегда проигрывают, если культур-

но-образовательный уровень населения недостаточно высок. Не эффективны и меры материального стимулирования социально-желательного поведения — обычно поступающие ресурсы направляются на что-либо другое.

Столь же сложны и вопросы стимулирования рождаемости. В меру связи ориентаций и прокреативного (связанного с зачатием и рождением детей) поведения с материально-статусными факторами удается на короткий период задержать снижение рождаемости или даже повысить ее. Об этом свидетельствует опыт Венгрии, ГДР, Франции, Японии. Но в долговременной перспективе обнаруживается важность механизмов сознательного регулирования на личностном и семейном уровне. Практика предупреждения и прекращения беременности, соединяющая законодательные акты, медицинское обеспечение, пропаганду и просвещение и мотивацию людей, распространяется сравнительно быстро и безболезненно. Практика же сознательного планирования беременности или рождений требует качественно другого уровня участия в этом процессе женщин и других членов семьи и общественности.

Нет сомнения в том, что в нашем обществе лишь крайне малая доля первых и несколько большая доля вторых и последующих детей сегодня появляется на свет вследствие сознательного планирования. Значительно чаще беременность оказывается непреднамеренным и психологически нежелательным следствием сексуальных связей или пассивным следствием цепи событий «брак — устойчивые сексуальные отношения». Недостаток контроля над сексуальным поведением в семье, отражаемый в доле абортов семейных женщин, показывает, как далека еще практика сознательного планирования семьи от рациональной модели. Это значит, что условием распространения этого типа регулирования в семье является приобретение более высокого уровня автономии сексуального и прокреативного поведения наряду с повышением мотивации рождаемости.

Еще более сложны механизмы регулирования других форм семейного поведения, менее тесно связанные с биологическими свойствами человека, например, всего комплекса взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми или между семьей и другими родственниками или социальными институтами.

Среди многих форм воздействия общественности на добрачное или семейное поведение молодежи и взрослых, предложенных в последнее время, лишь клубы «для тех,

кому за 30» и система брачных объявлений оказываются приемлемыми в тех областях страны, где население подготовлено к адекватному с моральной и культурной точек зрения их использованию. Об этом свидетельствует опыт публикации брачных объявлений в Вильнюсе, Риге, Таллине, Днепропетровске, Владивостоке и Алма-Ате.

Разработка научного обоснования общественных мер помощи семье невозможна без комплексного знания механизмов функционирования и изменения семейно-брачных отношений в их региональной, культурно-этнической или социально-экономической специфике.

СТАТИСТИКА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

Читатель из статей сборника узнал о рождаемости, ее тенденциях, о некоторых проблемах, связанных с ней, о том, что такое депопуляция населения и угрожает ли она нам в будущем, и о многом другом.

На значительной территории нашей страны многодетные семьи все реже встречаются в наше время. О неуклонной тенденции снижения рождаемости (о чем не раз указывалось в статьях сборника) свидетельствуют суммарные коэффициенты рождаемости в СССР. О том, как распределяются родившиеся по порядку их рождения, видно из данных табл. 1.

Как известно, показатели рождаемости зависят от многих факторов; они различны в городской и сельской местности, значительно варьируют по союзным республикам (см. табл. 2, 3, 4). На уровень рождаемости сильно влияет такой фактор, как уровень образования. Это особенно заметно при сопоставлении показателей рождаемости у крайних групп женщин — у женщин, имеющих высшее образование, и у женщин, не имеющих начального образования (см. табл. 5).

На уровень рождаемости влияет и такой фактор, как национальные традиции и обычаи, уклад жизни. Об этом говорят данные табл. 6 (сравните, например, среднее число рожденных детей у таджичек и латышек).

Предоставляем читателю возможность подумать над цифрами и сопоставить их.

Суммарные коэффициенты рождаемости в СССР (число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения за всю жизнь)

Годы	Коэффициент
1926—1927	5,37
1938—1939	4,40
1954—1955	2,90
1958—1959	2,81
1964—1965	2,46
1969—1970	2,39
1974—1975	2,41
1979—1980	2,26

Таблица 1

Распределение числа родившихся по порядку их рождения в СССР за 1980 г.

	Число родившихся, тыс.	Проценты
Всего	4851,4	100,0
в том числе по порядку рождения:		
первым	2272,8	46,85
вторым	1502,8	30,98
третьим	463,9	9,56
четвертым	215,2	4,44
пятым	137,5	2,83

	Число родившихся, тыс.	Проценты
шестым	86,1	1,77
седьмым	58,7	1,21
восьмым	42,7	0,88
девятым	29,0	0,60
десятым и более	36,8	0,76
не указано	5,9	0,12

Таблица 2

Повозрастные показатели рождаемости в городских поселениях и сельских местностях в 1979—1980 гг.
(число родившихся на 1000 женщин соответствующей возрастной группы)

Возрастные группы, лет	Всего	в том числе	
		город	село
15—49*	70,5	60,5	91,9
в том числе в возрасте:			
моложе 20**	40,9	37,9	46,1
20—24	177,3	150,8	240,6
25—29	123,7	104,2	173,0
30—34	68,3	54,7	107,0
35—39	29,8	18,9	52,5
40—44	10,2	4,9	20,8
45—49	1,5	0,4	3,2

* Включая родившихся у матерей более старшего возраста.
** При определении относительных показателей этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

Таблица 3

Повозрастные показатели рождаемости по союзным республикам за 1979—1980 гг.
(число родившихся на 1000 женщин соответствующей возрастной группы)

	15—49 лет*	в том числе в возрасте, лет						
		моложе 20**	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
СССР	70,5	40,9	177,3	123,7	68,3	29,8	10,2	1,5
РСФСР	59,6	42,7	157,1	101,2	52,5	18,4	5,1	0,4
Украинская ССР	57,9	47,8	166,1	102,4	52,6	18,1	4,6	0,3
Белорусская ССР	61,4	31,4	173,9	116,0	59,0	21,2	5,5	0,3
Узбекская ССР	148,9	35,3	276,9	271,8	202,5	122,7	60,4	11,4
Казахская ССР	93,8	38,8	203,0	158,0	102,4	58,5	23,5	3,5
Грузинская ССР	68,5	47,8	181,1	121,9	66,3	24,0	7,6	1,4
Азербайджанская ССР	98,3	18,2	193,4	217,4	134,4	69,0	29,2	4,2
Литовская ССР	58,6	27,6	154,8	116,5	62,7	30,8	9,2	0,6
Молдавская ССР	75,2	39,5	190,7	128,7	76,9	30,6	9,1	0,9
Латвийская ССР	54,1	37,7	152,3	104,0	53,7	22,7	5,4	0,2
Киргизская ССР	127,4	40,6	265,2	213,8	145,3	102,5	47,3	11,8
Таджикская ССР	167,3	37,0	311,2	292,2	232,0	168,8	87,2	23,6
Армянская ССР	83,8	43,9	203,1	137,1	61,2	21,7	8,2	1,4
Туркменская ССР	150,2	20,6	230,1	281,8	222,1	154,2	80,4	17,3
Эстонская ССР	59,0	43,2	166,1	110,6	54,6	22,2	5,3	0,2

* Включая родившихся у матерей более старшего возраста.
** При определении относительных показателей этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

Таблица 4

Рождаемость и естественный прирост населения в 1980 г. в столицах союзных республик СССР
(на 1000 человек населения)

	Число родившихся	Естественный прирост
СССР	18,3	8,0
в том числе по столицам союзных республик:		
Алма-Ата	17,8	8,7
Ашхабад	22,4	14,6
Баку*	18,5	11,0
Вильнюс	14,3	7,2
Душанбе	21,9	14,4
Ереван	19,6	14,0
Киев	15,6	7,4
Кишинев	18,2	11,1
Минск	18,8	13,5
Москва*	13,6	1,9
Рига	12,9	1,8
Таллин	14,6	4,4
Ташкент	19,2	11,0
Тбилиси	15,8	7,7
Фрунзе	19,8	12,0

* Включая городские поселения, подчиненные городскому Совету.

Таблица 5

Число рожденных детей женщинами с различным уровнем образования по СССР и союзным республикам в 1979 г.

	На 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше родилось детей						
	у всех женщин	у женщин, имеющих образование					у женщин, не имеющих начального образования
		высшее	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	начальное	
СССР	1 963	1 279	1 365	1 167	1 648	2 718	3 433
РСФСР	1 859	1 184	1 306	995	1 510	2 543	3 429
Украинская ССР	1 752	1 268	1 329	1 146	1 520	2 259	2 760
Белорусская ССР	1 979	1 317	1 409	1 084	1 596	2 652	3 269
Узбекская ССР	2 905	1 923	1 785	1 874	2 653	4 882	4 872
Казахская ССР	2 377	1 572	1 606	1 378	1 938	3 690	4 280
Грузинская ССР	1 987	1 362	1 536	1 521	1 781	2 970	3 650
Азербайджанская ССР	2 599	1 551	1 849	1 495	2 317	4 259	4 664
Литовская ССР	1 778	1 184	1 270	987	1 254	2 441	2 865
Молдавская ССР	2 112	1 323	1 341	932	1 488	2 912	3 764
Латвийская ССР	1 479	1 136	1 207	1 056	1 313	1 908	2 477
Киргизская ССР	2 755	1 899	1 819	1 655	2 261	4 310	4 669
Таджикская ССР	3 279	1 774	1 812	1 685	2 547	5 406	5 668
Армянская ССР	2 400	1 587	1 828	1 671	2 158	4 133	5 123
Туркменская ССР	2 917	1 832	1 746	1 663	2 895	4 543	4 732
Эстонская ССР	1 558	1 234	1 339	1 144	1 368	2 021	2 658

Таблица 6

Распределение женщин некоторых национальностей по числу рожденных детей по СССР в 1979 г.

(на 1000 женщин соответствующей национальности в возрасте 15 лет и старше)

	Женщины, не родившие ни одного ребенка	Родили					Среднее число рожденных детей
		1 ребенка	2 детей	3 детей	4 детей	5 детей и более	
Все женщины в возрасте 15 лет и старше	252	229	253	110	55	101	1 963
Русские	239	266	273	104	47	71	1 773
Украинки	223	234	298	128	54	63	1 823
Белоруски	237	190	271	141	70	91	2 006
Узбечки	326	89	90	83	77	335	8 293
Казашки	346	99	106	86	72	291	2 987
Грузинки	286	140	250	167	79	78	1 928
Азербайджанки	388	77	92	87	80	276	2 784
Литовки	286	196	260	124	60	74	1 795
Молдаванки	286	181	199	115	69	150	2 235
Латышки	294	261	264	100	40	41	1 495
Киргизки	333	88	93	82	72	332	3 363
Таджички	321	78	78	71	70	382	3 700
Армянки	307	119	179	148	95	152	2 277
Туркменки	350	85	84	76	72	333	3 299
Эстонки	281	242	271	113	45	48	1 599

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДАЕМОСТЬ: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Рецензент *Г. А. Бондарская*

Зав. редакцией *В. П. Томин*
Редактор *Л. Л. Щербакова*
Мл. редактор *Е. М. Рудый*
Техн. редактор *И. В. Завгородняя*
Корректоры *Г. А. Башарина, Н. П. Сперанская*
Худож. редактор *О. Н. Поленова*

ИБ № 1335

Сдано в набор 15.12.82. Подписано в печать 25.04.83. А05574. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. П. л. 3,75. Усл. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,64. Усл. кр.-отт. 6,56. Тираж 100 000 экз. Заказ 7966. Цена 20 к.

Издательство «Финансы и статистика», Москва, ул. Чернышевского, 7

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

Рождаемость: известное и неизвестное/Редкол.:
Р62 Э. К. Васильева (гл. ред.) и др.— М.: Финансы и статистика, 1983.— 118 с., ил.— (Популярная демография; Вып. 9).
20 к.

В книге авторы дают объяснение различиям в уровне рождаемости по территориям СССР, показывают связь между ростом материального благосостояния, брачностью, частотой разводов, бытовыми традициями и некоторыми другими факторами и рождаемостью. Показано, от чего зависит потребность в детях, из чего она складывается, что такое ценность детей, раскрываются медико-социальные особенности формирования молодых семей в СССР.

Р $\frac{0703000000-084}{010(01)-83}$ 50—83

ББК 60.7
312

20 коп.

СЕРИЯ «ПОПУЛЯРНАЯ ДЕМОГРАФИЯ»

РОЖДАЕМОСТЬ: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

О рождаемости в нашей стране, о ее тенденциях, о том, как браки влияют на уровень рождаемости, о здоровье матери и ребенка и о многом другом расскажет эта книга. В ней большое внимание уделено вопросам состояния здоровья новорожденных, а оно, как считают специалисты, определяет степень риска заболеть в течение всей последующей жизни. В работе использованы статистические данные и материалы оригинальных обследований.

Показано, от чего зависит потребность в детях, почему в наши дни все реже встречаются многодетные семьи, сколько нужно иметь детей, чтобы население в СССР не стало уменьшаться. Читатель узнает также о влиянии роста материального благосостояния на рождаемость. Чем объяснить тот факт, что разные по составу семьи имеют разное число детей? Угрожает ли нам депопуляция в будущем? Можно ли приостановить процесс снижения уровня рождаемости?

«ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА»